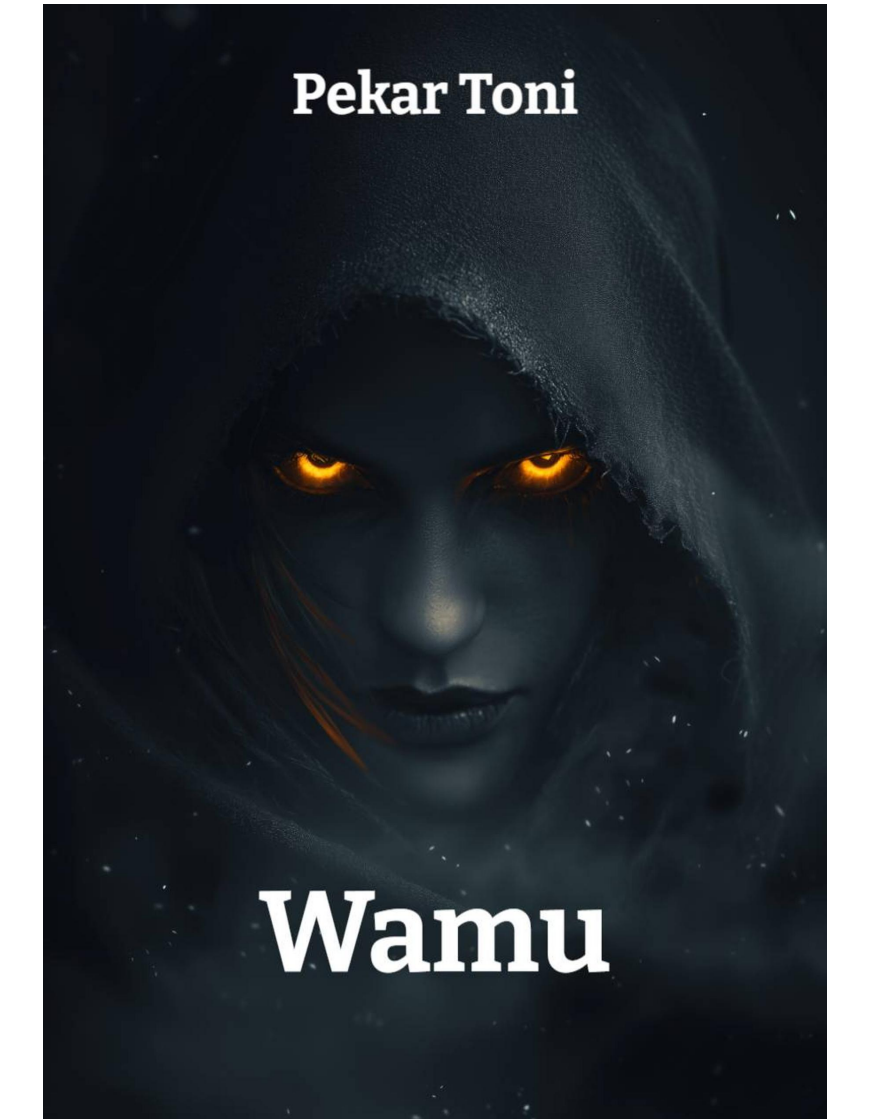

Pekar Toni

Wamu

Pekar Toni Wamu

<https://litres.ru/73809251>

SelfPub; 2026

Аннотация

####,

«Когда боги падают, споткнувшись о собственную гордыню, их троны превращаются в пыль, а алтари в прах. Это история о мире, где искры мести сжигают целые эпохи, а магия служит зеркалом для самых тёмных изгибов души. Здесь короны отливают из слёз, власть оплачивают реками крови, а договоры рвутся, как паутина, запутавшаяся в шрамах прошлого.

Но берегись, когда ветер с пустынных равнин Ато-т-Суп донесёт до столицы песок забвения: древняя Гидра не умерла. Её корни впиваются в самую плоть Фулмуна, клыки отточены предательством, а голод вечен. Земля помнит. Жаждет. Требуется новая жертвы

Сага о том, как боги становятся пешками, а цена бессмертия чужая гибель. Вы готовы заглянуть в бездну?»

Содержание

Глава 1 Смерть охотнее приходит на праздники	4
Глава 3 Госпожа служанка	13
Глава 4 Иззэль	18
Глава 5 «Королевский сад»	22
Глава 6 Иззэль и Доминика	30
Глава 7 Яблоко раздора	35
Глава 8 Бегство	41
Глава 9 Кости тоже горят	47
Глава 10 После похорон	51
Глава 11 Таинственный сад, камень истины	64
Глава 11 Таинственный сад, камень истины	69
Глава 12 Драома — «Солнечный край»	74
Глава 13 Мейн Эмилия Ротти	83
Глава	89
Глава 15 Луи и Пьер	96
Глава 16 Ночные всадники	111
Глава 17 Былое	115
Глава 18 «Золотая пыль»	120
Глава 19 Мост, демонесса и мудрец	130
Глава 20 Город демонов и тентадоров	140
Глава 21 «Красная корона»	147
Конец ознакомительного фрагмента.	154

Pekar Toni

Wamu

Глава 1 Смерть охотнее приходит на праздники

Отныне мой собственный дом из-за тебя стал мне чужим, и я охотно разрушил бы его стены, если бы снаружи меня не ждала бы та же самая тюрьма

© Марсель Жуандо

Джерод скучал на балу и откровенно напивался красным вином из погребов отца — Венсана де Лун Менсис. Рядом стоял брат — Лунар, не убиравший руки с рукояти шпаги даже на короткое мгновение. Близнецы разделили черты и кровь обоих прадедов, что зеркально отразилось на их внешности в виде золотых волос и глаз у Джерода и серебряных у Лунара. Самым главным отличием служила чёрная повязка на правом глазу старшего — след от поиска шара истины в «таинственном саду». Наследник короны не позволял себе красный нектар и обходил приезжих красавиц. Младший, тем временем, совсем отчаялся позабавиться сегодняшней

ночью в ходе случайной интрижки. Сам глава дома находился в покоях возле прикованной болезнью к кровати жены. Красные глаза и мешки под глазами, сочетались с отросшей за три месяца бородой. Звуки музыки из тронного зала доносились в оба крыла замка. Горел свет от маглампы, а гости только-только начинали входить в раж. Венсана де Лун Менсис подобная обстановка устраивала, сейчас ему не нужно было держать на лице маску. Орели уснула, обхватив руку супруга, женщина, ослабевшая от долгой болезни, напоминала тень самой себя. Мужчина гигантского телосложения склонился и держал руки любимой как цветок, боясь шелохнуться. Слуги заставили опочивальню канделябрами, таким образом, чтобы в покоях не нашлось места блуждающим в углах теням.

Брак по расчёту сделал дома Лун и Менсис самыми влиятельными. Всесильные террцы призвали к объединению две крупнейшие расы острова, чтобы забрать корону себе и даровать всем мирную жизнь. Сюзерены других домов были вынуждены возвратить войска на материк, цыгаи готовились к мирной жизни без продуктовой десятины и налогов на содержание армии. Впервые, за целый стозимм прервалась война «золотой» и «серебряной» крови. Война между эльфами после смерти Марса прекратилась, на острове воцарился мир. Жители материков вздохнули спокойно, «Луна» заррада, помирилось с «Солнцем» воста.

Венсану даровали титул «Платинового короля». К столи-

це потянулись рукава каналов со всех восьми великих городов. Детище Лун Менсис за двадцать зимм выросло до размеров огромного полиса. Эльфинны возвели в Каменлуне в качестве подарка «маяк короля» над «таинственным садом» сотворённый магией первородных. В город с белой набережной побежал поток камня и древесины, нужных строителям и инженерам. Магусы и торговцы высоко ценили преимущества столицы империи заложенной Марсом — первым императором избранным, советом «восьми лордов». Трудно представить, что когда-то остров принадлежал лишь демонам и тентадорам. Хозяева острова приняли мудрое решение, получив помощь против гобов, что зимм за зиммом приплывали на шкурах и грабили близлежащие земли. В последний набег под предводительством Кибы, Торрэль выпустил трёхголовую гидру, что пустила ко дну практически все шкуры, но затем принялась крушить всё вокруг. Совместными усилиями остальные призвали богов, убивших вышедшего из-под контроля фамильяра. В благодарность правитель демонов окончательно разделил остров на сферы влияния. Восемь вольных городов, что раньше служили защитой, создали государство в государстве. Остатки же гобов прибило к Ато-т-Суп. После поражения «*gurin sukin*» утратили земли в «Большезёме» и практически перестали существовать.

Подоспевшего слугу с подносом история мало интересовала, впрочем, как и принца Джерода, сделавшего перестановку бокалов. Ряды танцующих выстроились в две шерен-

ги, которые смыкались и откатывали друг от друга разноцветными волнами. Глядя на них, хозяева скучали и думали каждый о своём: Лунар о сражениях и мести за утраченный глаз, а Джерард о войне под одеялом, но обоим одинаково сильно хотелось покинуть праздник как можно скорее. Иногда к близнецам подходили сюзерены благородных домов или же вовсе мелкие феодалы, чтобы оказать своё почтение, но суета лишь усиливала желание оставить светское мероприятие.

— Госпожа Доминика Дюруа из Аль-Таира со служанкой Изабель.

Принцы поклонились, а представленные слугой по списку дамы сделали реверанс. Молоденькая служанка выполнила полуприседание без наклона головы, взгляд Джерарда направился на глубокое декольте, что заметил брат и вздохнул. Доминика, в свои сорок выглядела потрясающе; Лунар не знал, что это: чары или магия уверенной в себе женщины. Старший пристально смотрел на гостью, будучи не способным произнести даже самый простой комплимент. Он завидовал брату, способному раздеть и соблазнить взглядом золотых глаз, в его же взгляде лишь холодный металлический блеск и душевный холод. Старший не вправе выбирать сердцем. Статус не позволял фавориток или просто обычных любовниц в виде горничных, что недвусмысленно намекала на желание уединиться с принцем во время уборки комнаты. Девы прекрасно понимали, что продадут свою честь по очень

выгодной цене. Да вот только наследника не интересовали шалости и интрижки с местными барышнями. Отец пресекал такие действия обещанием лишить всего, несмотря на то, что бастардами такие связи не грозили. Но всё же девушки не бросали попыток обольстить принцев или одного из благородных гостей в надежде родить «бастара». Такие балы — редкая возможность. Ею надо пользоваться. Одна ночь с господином или гостем — это пропуск в другую жизнь. Лежать в постели не то же самое, что работать с утра до глубокой ночи. Но решиться на такое могли далеко не все. Бывали случаи, когда господа не желали платить за оказанное уединение и обвиняли несчастных девушек в соблазнении, тогда, в лучшем случае, их ждала прилюдная порка на площади и храм.

— Прошу прощения, госпожа Доминика. Мало что знаю о таком, — Джерод приложил к верхней губе бокал — свидетельство его заинтересованности, похоже, старший брат не ошибся касательно намерений младшего.

— Стоит на границе Ато-т-Суп с Террой, — сухо уточнил старший сын короля и пожал плечами.

— Город известен своей красивой архитектурой и зодчими. В нём живут красивые люди, ваша милость, — кокетливо ответила Доминика.

— Я в том и не сомневался, госпожа Доминика, — дама покраснела, приняв слова младшего принца, которые предназначались служанке, на свой счёт.

Глава 2 Ночь родом из Эдема

Луна затопила ночь безбрежным светом, и холмы стояли, окутанные белой лунной пылью. Деревья и земля застыли, иссушенные лунным сиянием, безмолвные и мёртвые

© Джон Стейнбек, «К востоку от Эдема»

#Каменлун #ДворецВсехКоролей

Ночь скрывается в объятиях комнат и пустоте коридоров, что держат за собой стража с факелами. В темноте не обрести тени, но можно запросто потерять себя. Под кроватью сначала прячутся детские страхи, а потом и неудачливые любовники. Тихие игры происходят повсюду, но пока бессонница спит на подушках и простынях, найти её не составит особого труда. Она всегда одета в хлам мыслей. Ты чувствуешь, как эта девица ложится рядом, раздевается и забирается тебе в голову. Её одёжка разбросанная повсюду ляжет на сердце чёрным бархатом, что грузнее савана. Венсан не выпускал ладонь жены, и чувствовал, что Орели уходит от него. Король достал из-за пояса кинжал. Смешение крови не панацея — лезвие отражало блеск свечей и слёзы сильнейшего правителя. Закрыв глаза жене рукой, муж полоснул многократно спрессованной сталью по запястью супруги. Золотая кровь ... рыжие кудри ... мужчина хотел забыть этот кошмар и просто коснуться их ладонью, но вместо этого правил

себя кинжалом. Серебряная кровь шипела змеёй, падая на запястье жены. Раны затягивались быстро, пришлось колоть под наклоном, чтобы успеть окропить кровью. Ему хотелось отдать всего себя без остатка. На лице Орели появился румянец. Король хотел провести ладонью по лбу, чтобы поправить съехавшую на глаза чёлку, но рухнул на пол.

Приглашённых разместили на верхних этажах главного корпуса. Из-за чего стражу состоящую из гвардов устроили. Джерод направился к винтовой лестнице, когда подол ночи упал на дворец. Его милости никто не чинил преград, гварды становились смирно, а их благородные капитаны отвешивали поклоны. Отмахиваясь от стражников, как от назойливых мух, принц наконец-то поднялся с «королевского этажа», что был на втором, на восьмой этаж, менее почётный. Здесь селили не особо значимых персон, но наследника сейчас интересовал ни титул, ни родословная, а самая дальняя комната, дверь в которую, как тот полагал, не заперта. Джерод знал, где спит прислуга, а где хозяева. Он шёл, выставив левую руку в бок, правой держась за золотой пояс. Каждые двадцать девять шагов кончики пальцев касались холодной, шести армов в диаметре колонны, значит справа комната с одной кроватью. Гостевые, что вольготно расположились меж рифлёных каменных опор, его совсем не интересо-

вали. Двадцать шестая колонна, ещё четыре осталось до конца пути. Визитёр королевских кровей знал каждый закоулок наизусть. Именно по этой причине пришлось выбрать «парадный» вход в «апартаменты», вместо привычного. Высокородным дамочкам обычно нравилось появление принца на матово-белом пегасе с золотыми рогами и гривой, парящем на чёрных крыльях. У последней колонны младший принц остановился. Сердце ускоряло ток крови. Получать то, что хочешь — всегда приятно, но интуиция била тревогу. Новая пассия ждёт? А, быть может, давно спит, закрыв дверь на засов? Прочный дубовый массив висел на железных петлях. Для господ, конечно, навесной и врезной замок, а для черни и засова достаточно. Кому нужны слуги? В комнате без роскоши — лишь кровать, да комод для вещей. Впрочем, даже отсутствие самого главного предмета интерьера не остановило бы порыв страсти его милости. Сегодня «золотой мальчик» хотел погрузиться в декольте как можно глубже. Короткие волосы зелёноглазой брюнетки вызывали благоговение перед созерцанием смуглого бюста. Длинные — прерогатива благородных дам, от коих ловелас уже успел подустать и коими пресытился. Лучи звёзд не проникали сквозь колонны. Джерод двигался осторожно, выставив перед собой руку. Каждый шаг на цыпочках приближал к греховной любви и утраченной добродетели. Игра стоила свеч, которые внезапно вспыхнули, и по углам дверного проёма побежали красные трещины. В горле пересохло не от жажды, а от предвку-

шения.

— Балкона нет... окон тоже... — закончить мысль он не мог, а лишь представил голую фигуру, жара в комнате раз-
девала женщин лучше мужчин.

Глава 3 Госпожа служанка

Неужели им больше нечего было сказать друг другу? Нет, глаза их говорили о чем-то гораздо более важном. Подыскивая банальные фразы, оба чувствовали, как все их существо охватывает томление. Это был как шепот души — сокровенный, немолчный, заглушающий голоса. Потрясенные этим новым для них наслаждением, они не пытались поведать о нём друг другу, уяснить себе, где его источник. Грядущее счастье, словно река в тропиках, ещё издали наполняет неоглядные просторы тою негой, какой оно дышит всегда, ещё издали повевает благоуханным ветром, и человек, упоённый, погружается в забытие, не заглядывая вдаль и даже не помышляя о ней

© Гюстав Флобер, «Госпожа Бовари»

Джерод толкнул дверь, та, немного простонав, отперла покой. Застеленное белой скатертью ложе пустовало. Три шага — и дверь, томно захлопнувшись, забрала свою жертву в широкие объятия. Вошедший обернулся: обнажённая по пояс варганка, держала почти сгоревший огарок на уровне малиновых губ. — Помада госпожи? Огонь изменил цвет её глаз, они стали алыми. Созерцая линии и изгибы, юноша не придавал этой детали столь важное значение.

— Моя госпожа говаривала, что ухажёры уж не те. Бросают дев после разовых утех, а то и вовсе предают прилюдному позору на площади.

Принц снял «кольцо» с драконом, хранивший немалую сумму, и надел на палец служанки; та стёрла грань между ними своим дыханием.

— Подними руки, — после чего отбросила свечу в сторону за ненадобностью. Света от луны, пробивавшегося через небольшой проём, украшенный мозаикой под потолком, должно было хватить. Воск, капнув, испачкал пол. Голос требовал выполнения приказа, и заплативший за любовь сдался. Она протянула руки к тунике принца и сняла её, по пути лаская грудь и пресс.

Изабель шла, толкая Джерода к краю. Юноша послушно пятился, пока не споткнулся и не упал на набитый тряпками матрас, что лишь вызвало смех юной девы, которая сбросила последнее, что ей мешало. — Кто тут хозяин?! Впервые им играли, как игрушкой. Зимм назад, на прошлый праздник урожая, тот видел театр кукол и был готов поклясться, что сам превратился в марионетку. Служанка села на колени принца, успев обхватить ногами сильные руки, которые хотели обхватить хрупкий стан.

— Всё будет так... — Голая госпожа, заполучив повинование раба, стала водить левой рукой по широкой груди, оставляя на ней глубокие полосы. Золотая кровь напоминала лаву. — Как я того пожелаю... — Изабель схватила Джерода

за острые скулы и, разомкнув его губы, заставила облизать указательный палец.

— Ваша милость, где ваши манеры?! — Девушка хихикнула и прижалась к нему. Он едва успел ощутить горячие, пышущие жаром сферы, как Изабель вцепилась в шею зубами. Её язык обозначал место укуса, но не готовил к ощущениям.

Насытившись беспомощностью, она вернулась в исходное положение, но на сей раз позволила мужским рукам применить силу и ласку. После издевательств принц жаждал реванша. Красные глаза девушки на короткий миг отразили довольную ухмылку.

— Ты демонесса?

— Боитесь, ваша милость?

— Демоны помогли моему отцу взойти на трон.

— Ваша милость. Сейчас перед вами обычная служанка, отданная родственниками на услужение. Служанка, заполучившая власть над господином, покуда не пришло солнце. Моя кровь не помешает мне взять то, что я хочу.

— Я отберу у богов эту ночь... для нас... моя демоница.

— А что мне надобно делать днём... одной...

— Моя госпожа... утро придёт лишь по вашему велению... — он схватил её за руки и прижал к себе. — Или моему приказу.

Губы Джерода касались сначала нежно, потом властно, а мысли обретали невесомость, будто впервые оседлал ветер.

Каре тёмных волос не прятало того, что младший де Лун Менсис хотел бы попробовать на вкус. Госпожа не заметила, как стала подвластной желаниям принца. Она прижала его к себе, цепляясь за золотые локоны, будто за спасительную соломинку. — Бессильно тонет в нём? Как бы не так! Изабель выжидала, терпела, стонала от яростных порывов, но в конце сумела направить его поцелуи куда следует, дабы разрушитель заплатил за право быть сверху.

Деньги?! Отличный повод заставить мужчину считать, что он тут главный, но вот расплачиваться оному придётся своей гордостью. Вопреки обещаниям, рассвет развеял их грешную связь. Прислуге впору приступать к рутинным обязанностям. Джерод это понимал, но продолжал лежать и чему-то улыбаться. Изабель слушала биение страстного сердца, что звучало громче часов на башне замка.

— Мне пора...

Их комната была мала. Они слышали, как на этаже «кно-керап» бил трижды металлическим наконечником трости у каждой двери с колонной. Мнимой госпоже не нашлось, что ответить. Вот сейчас принц нацепит обратно тунику и своё величие и перестанет быть только её. Она уткнулась носом в грудь, сдерживая слёзы. «Кольцо-окане» с драконом жгло палец воспоминанием, которое скоро станет прошлым. Собрав осколки воли, служанка получила прощальный поцелуй и закрылась на засов.

Юggi хотелось спать, но кровать стала слишком неудоб-

ной для неё одной. Она постоянно ворочалась с бока на бок. Одежда казалась чуждой, и злой рукой, что хотела стереть с неё касания. В таком случае, служанка госпожи Доминики предпочла бы остаться нагой. Глухой стук снаружи посетил комнатку гулким эхом. Девушка нехотя подошла и отодвинула засов в надежде на возвращение принца.

Глава 4 Иззэль

*Любите друг друга, но не превращайте любовь в цепи.
Пусть лучше она будет волнующим морем между берегами
ваших душ*

© Халиль Джебран / Джебран Халиль Джебран

— Изабелла? — робко произнесла Доминика, которой было неуютно и немного неловко вопрошать в дорогом платье перед комнатой для слуг. — Госпожа Изабель? К вам можно войти?

На служанку косились трое гвардов, заставляя краснеть ту от хищных взглядов. Дверь открылась, и девушка буквально ввалилась в комнату, чем вызвала громкий смех стражи, принявших красивую госпожу за пугливую особу.

— Не трясись, Доминика. Тебя и пальцем здесь не тронут. Мы гостим тут и имеем право на защиту.

— Госпожа Иззэль, не о том пугаюсь. Госпожа Иззэль, ваш дедушка узнает... плохо вам станется...

— Мой старикан сам наказал мне обзавестись связью с де Лун Менсис. Он не уточнил, с каким именно мне следовало лечь спать.

— С Венсаном, госпожа Иззэль? С Венсаном... все знают. Королева слаба здоровьем...

— Я видела короля, когда глупой девчонкой была. Доминика, король не смотрит на женщин так, как на её величество Орели. Пускай этикет и обяжет выбрать мать народа, но рядом с ней он не ляжет. Хочешь, чтобы твоя госпожа зачахла без мужских ласк?

— Госпожа Иззэль... будет вам... разве ж я о том молвлю?

— Полно причитать, Доминика. Госпожа у-с-та-ла. Джерод озаботился о пробуждении во мне тигского аппетита.

— Госпожа Иззэль... рассказывайте... — служанка достала платок и принялась его теревить.

— О, Джерод... он так умел и находчив. Нашей стране нужен такой властный правитель. Дурочки-дворянки для него лишь развлечение, а покорные овцы не смогут ублажать льва по-настоящему. Мои слабости... он уже не сможет без них.

— Госпожа Иззэль, принц Лунар... что мне делать? Он вчера оказывал знаки внимания на балу.

— Доминика! Да, ты у нас настоящая потаскушка! — засмеялась Иззэль.

— Я не такая... госпожа Иззэль... не такая...

— Будет тебе, Доминика. Холодные глаза, но руки сильные, и характер крепче, чем у младшего.

— Он пригласил на прогулку... в королевский сад. Что делать, госпожа Иззэль? Раскусит ведь...

— Не будь дурой, Доминика. Мужчины слепы рядом с женщиной. Уж не удумала ли ты делить с ним ложе?

— Госпожа Иззэль, что вы такое говорите... я служанка...

он принц... будущий король...

— Не придумывай. Он мужчина. Ты женщина. Будущее неведомо никому. Иди ко мне, — Доминика послушно подошла и села на кровать. — Я буду с тобой.

— Госпожа...

— За своё счастье следует бороться, — Иззэль обхватила Доминику за шею. — Верь мне.

— Но что посильно служанке? Госпожа Иззэль?

— Роль любовницы. Король не даст выбора старшему, но ночь темна. Ночью всякое бывает. С твоим личиком и фигурой... Шансов уйти от тебя у него не будет. Заставишь ждать каждую ночь и жалеть, что она не так длинна, как день. Ты покажешь ему больше, чем может любая набитая кукла в дорогом платье.

— Больше?

— Мужчины падки на милый лик и стройную фигуру, но более всего любят, чтобы в них нуждались. Покажи свои слабости. Страхи. И он твой навеки. С тобой он не будет бояться быть собой. Ему захочется править.

— Быть кроткой?

— Нет, мужчины не терпят покорных и послушных. Они ими быстро пресыщаются. Балансируй на грани, милая Доминика. Пусти Лунара в угоды так, чтобы де Лун Менсис позабыл о других ланях.

— Госпожа Иззэль, вы, наверное, правы, но куда прятать... куда прятать стеснение?!

— В глубину глаз, милая Доминика. В глубину игривых глаз. Одним словом, куда подальше, милая. Там, где он его никогда не отыщет. Тебе не к чему оно. Сделай своё имя нарицательным! Действуй, как госпожа! Будь госпожой!

Доминика кивнула и вздрогнула от стука костяшек пальцев по дубу. Девушки обернулись. Под дверь незванным посылным просунулась записка. Госпожа со служанкой переглянулись.

— Дичь сама к нам спешит, моя дорогая До-ми-ни.

Служанка машинально подняла записку и вручила госпоже.

— Дурочка. Письмо адресовано тебе.

— Госпожа Иззэль. Почему мне?!

— Нет парфюма, моя дорогая. Джерод пахнет нотками дерева. Он ещё тот самодовольный фазан, — «служанка» вспомнила запах на шее и облизнула губы. — Я позову Жан-жака, моя госпожа. Пусть отнесёт платок.

— Госпожа Иззэль, мы согласны?! Ох, госпожа Иззэль... я право не знаю, как мне ответить его милости.

— Ты согласна, моя дорогая. Тебе предстоит «казнить» принца сегодняшней ночью своей красотой. Твоя стеснительность — это то, что вам точно не потребуется!

Глава 5 «Королевский сад»

Женщина, даже простолюдинка, может стать королевой, а аристократка может превратиться в прислугу. Всё зависит от того, как к ней относится мужчина, которого она любит

© *Юн Сьль, Юн Сил*

Госпожа и служанка подошли к указанному месту сразу после обеда. Иззэль настояла, чтобы наряд Доминики «Дюруа» из Аль-Таира сменился со спокойного лазурного на кричащий бордовый. У входа в сад, окружённый стеной высотой в десять армов, их встретила пара вояк в красной форме и белых перчатках. Узнать ряженных не составило сколько-нибудь значимого труда — их выдавали бритые головы. «Гварды», будь они в форме, смотрелись бы поинтереснее мечников в «панцире», закрывающими спину серыми плащами. Их принимали капитан с вице-капитаном; остальных, похоже, поставили по периметру. В отличие от вчерашнего дня, стража имела лишь шпаги, висевшие на белом поясе с серебряной «блехой». Личная охрана внушала спокойствие. Три десятка лучших фехтовальщиков с Террейна остановят кого угодно, но вот традиционный наряд югти застал служивых врасплох.

— Permettez-moi de vous présenter le...

Госпожа Доминика Дюруа из Аль-Таира со служанкой Изабель, — чинно представил Жанжак приглашённых дам, за сим откланился и последовал обратно во дворец доложить, что его госпожа будет отсутствовать на втором дне бала по одной Ярче и Рокку ведомой причине.

— Эмиль Шати, ваш покорный слуга, — представился капитан с пышными бакенбардами, которые носили практически все воссте, золотая серьга в правом ухе — знак того, что последний наследник рода.

— Мартин Корро из Клате, — вице-капитан преклонил голову и поцеловал руку Доминики. — Мне выпала честь сопровождать вас до входа, госпожа Доминика и мадемуазель Изабель.

Лабиринт внутри королевского сада раскинулся позади дворца. Эмиль Шати удовлетворил праздное любопытство дам и рассказал всё, что знал сам о «таинственном саде», который не зря называли таинственным. По поверьям, его воздвигнул Торрэль при помощи пяти драконов. Сад может в паре квадратных далей уместить целую рощу, а то и бескрайнее поле, уходящее взором за горизонт, а всё из-за четырёх божественных шаров, что высшие магические создания бросили на углы прямоугольника.

— Правда, что король может переместиться куда пожелает через сад? — спросила Доминика и прикрыла рот веером. Эмиль Шати кивнул. Девушки приклонились в реверансе и проследовали за капитаном. Мартин шёл позади всех

и смотрел на Доминику с восхищением: красное платье открывало смуглые плечи, изысканный вышитый наряд пестрил ажурными лентами и элегантными бантами; в сочетании с веером из пяти огромных перьев это напоминание о возрождении огненного феникса. Аристократка, ведомая модой, являла собой легендарную птицу, поскольку шёлк своими отливами напоминал огненное создание Террейна.

Лунар де Лун Менсис вспоминал старую легенду, чтобы себя успокоить, но всё равно нервничал. Пускай сюда не могли прийти без приглашения, но всё же принц боялся, что слуги отца узнают о приглашении девушки с низким дворянским статусом. Свою жизнь юноша уже склонил на алтарь отечества, но не хотел, чтобы из-за него пострадала госпожа Доминика. Принц не раз приходил в таинственный сад, но вот девушки... девушки казались ему более загадочными существами. Там он всего лишь потерял глаз, а сейчас лишился сердца. В конце концов, тот верил, что истину обрести можно, но как быть со счастьем — не ведал.

— Быть беспечным. Не думать о будущем — не так уж и плохо, — думал Лунар.

Его милость стоял возле тупика, к которому шли дамы, сопровождаемые друзьями, давшими ему присягу. Лунар продолжал перебирать варианты для начала «дружеского» разговора, как он себе обещал. Воротник мундира перестал быть белым от пота; ему хотелось снять перчатки, но этикет запрещал их снимать. И всё же в красной форме, пускай и

парадной, принц чувствовал себя более-менее защищённым. Ему не позволял остаться с ней наедине. Возможно, это и к лучшему — наследник не обладал уверенностью, что сможет противостоять госпоже Доминике. Как же ему нравилось произносить про себя её имя. Нет, скорее всего, тот не говорил, а шептал его как молитву. Ситуация в стране была шаткой, от него требовалось всё мужество, что есть, но прогнать мысли о ней не выходило, и как же сильно старший наследник себя за это корил. Терр, дёрни его остаться на балу, а не изучать военное или караульное дело, чтобы сбежать от светско-праздной рутины.

— Чёртова юggi, — мысленно выругался принц, а после продолжил вспоминать черты лица, поглотившего его затмения. — Что она забыла так далеко от Ато-т-Супа... кочевники — люди гордые. Быть может, Доминику привёл сюда страх перед королём. Я видел его в глубине карих глаз... Быть может, она даже не захочет разговаривать... — От последнего умозаключения принцу сделалось дурно; ждущий поймал себя на том, что ради неё готов вести поход против повелителей пустыни, и самой Терры, если та посмеет вмешаться.

— Это какое-то безумие, — вторил разум. — Ты безумец...

— Госпожа Доминика. Мадемуазель Изабель, — отрапортовал капитан.

— Госпожа Доминика Дюруа из Аль-Таира, — поправила

Иззэль и сердито посмотрела на Эмиля. Тот виновато пожал плечами.

— Прошу прощения, госпожа Дюруа.

Пригласивший не обратил внимания на ошибку друга и на замечание служанки. Перед ним стояла та самая Доминика, но уже в более открытом платье. Тонкая шея, красивые плечи, изысканные руки... смуглая кожа, касаемая только солнцем; аккуратно разделённые прямым пробором тёмные волосы, собранные в копну... жгучие глаза, подчёркнутые линиями бровей. Северри всегда красились в отличие от юги. Не зная, почему эта мысль пришла ему в голову наследнику. Может, он просто не хотел полностью утонуть в этом взгляде? Но нет — хотел, и всё ещё сопротивлялся, напоминая себе об ответственности и статусе, но всё же позвал её. Какой же он глупец. Нет, просто дурак!

— Рад вас видеть, госпожа Доминика Дюруа из Аль-Таира. Могу я вас называть госпожой Доминикой?

— Да, ваша милость. Как вам будет угодно, ваша милость.

Принц поднял руку, и капитан призвал фамильяра.

— О, Рокка... — Иззэль взвизгнула и зажала рот руками при виде питомца. — Простите меня, ваша милость.

— Никогда не видела фамильяра?

— Нет, ваша милость. Я видела, — Иззэль покачала головой и спряталась за хозяйку, чем вызвала улыбку вояк и принца. — Я думала, гвардам короля вешают медальоны против магии. Лишь люди истинно благородных кровей мо-

гут призвать бесовских созданий. Правда, господин де Шатильон?

— О, ради Рокку и Ярче не называй его так! — взмолилась Доминика.

— Он самый. Знакомьтесь, дамы. Это Ренни. Мой фамилляр и друг.

— Я — не бес. Я — оборрротень, — с обидой промурлыкал представленный, упёршись лапами в янтарно-красный сюртук без пуговиц. — Корррролевский... меж тем... оборрротень.

Фамилляр-альбинос держался на задних лапах, а точнее — копытцах, ростом не больше двух армов, но вот золотые рога... Такое дамы видели впервые.

— Мой фамилляр бесполезен в быту, — Мартин решил прервать неловкую паузу.

— Варги и гварды и впрямь носят амулеты, но благородным они не к чему, — добавил принц. — Их оружие — магия...

— Вина? — вмешался капитан, чувствуя, что принца понесло не туда. Эмиль щёлкнул пальцами, и кот материализовал перед собравшимися огромный белый шар, который, сжавшись, стал подносом на ножках, где выстроились полумесяцем фужеры. Фамилляр, не стесняясь, взял два из них и поднёс дамам.

— Можно погладить? — Иззэль перестала бояться и смотрела на фамилляра уже как на обычного кота.

— Он не дастся. Не любит, когда... Что ж, господа, нам, видимо, самим надобает взять вино... — Служанка трепала оборотня левой рукой по животу, от чего тот урчал и перекатывался.

— Глупые правила... — подумала Доминика, которой и самой хотелось сделать нечто подобное, но она не могла... Если сядет, сверху оголится грудь, и нарушится закон этикета. — Вино не принято пить. Кто придумал всю эту чушь?! — продолжала мысленную тираду девушка, которой оставалось лишь махать веером и ждать, пока выпьет принц.

Несмотря на тень от зелёных стен лабиринта, внутри сада царил духота. Доминика смотрела на солнце — уже не полдень, но светило по-прежнему в зените и щадить никого не собиралось. Девушка не заметила, как подошёл Лунар. Он посмотрел ледяными, словно стужа, серебряными глазами. Старший сын короля был выше госпожи Дюруа на полголовы. Встав рядом с ней, его милость спас её от назойливых лучей. Она, открыв рот, смотрела на белые волосы, что светились точно блики от его шпаги. Она готова была скинуть платье и бежать, бежать прочь отсюда. Пускай даже заплутать и никогда не выбраться — казалось, этот холод видел её душу насквозь.

— За милых дам! — принц поднял фужер.

— За милых дам! — подхватили Эмиль и Мартин.

Девушки сделали кивок, после чего собравшиеся пригубили винный напиток.

— Вино с юнга. «Рубиновая королева», — похвастался Мартин. — Лично выбирал с позволения его милости.

— Прохвост, ты ведь одолжил ящик у моего отца!

Мартин сделал поклон, как будто его не уличили в преступлении, а сделали комплимент.

Доминику замутило. Она пошатнулась, но Лунар успел подхватить её за талию, уронив фужер:

— Госпожа Доминика, вам дурно?! Госпожа Доминика...

— Милорд, похоже, у неё солнечный удар...

Их глаза встретились на короткий промежуток времени, что застыл, казалось, на целую минуту. Все её чувства ушли без остатка. Лжегоспожу касался он... его милость... он не давал ей упасть, но веки всё же скрыли принца от неё. Мир погрузился во тьму, где она не одна... Тело Доминики обмякло, ноги перестали держать. Сильные руки бережно держали девушку, не давая ей упасть на траву.

— Держитесь, госпожа Доминика. Держитесь... — шептал голос угасающему сознанию. — Госпожа Доминика, я с вами...

Глава 6 Иззэль и Доминика

Люди часто похваляются самыми преступными страстями, но в зависти, страсти робкой и стыдливой, никто не смеет признаться

© Франсуа де Ларошфуко

Доминика проснулась в гостевой комнате. Иззэль отдавала какие-то указания Жанжаку; слуга ничего не отвечал, а вместо ответов послушно кивал. После чего безмолвно вышел, чтобы исполнить сказанное. Голова девушки кружилась, она не могла слышать, о чём идёт речь, из-за повязки на голове, закрывающей лоб и уши. Только сейчас она почувствовала идущий от неё холод — по коже пробежал озноб.

— Простите, госпожа Иззэль. Я всё испортила... Госпожа Иззэль, я глупая...

— Доминика, — лжеслужанка села рядом и сняла ненужную повязку. — Принц успел тебя подхватить... Он был более полумесяца... такой заботливый... такой милый... лично принёс тебя сюда... — Иззэль хихикнула и плюхнулась рядом с больной, а затем повернулась к Доминике и тихонько добавила: — Если бы не эта старомодная мораль, лежать бы вам сегодняшней ночью рядом в одной кроватке и греть друг друга. Лучшее лечения не придумали.

— Госпожа Иззэль, не шутите так...

— Может статься, и такое, что королевский и таинственный сад не принимает людей с обычной кровью, — голос Иззэль изменился, стал ледяным. — Хорошо бы узнать о нём побольше. В этих легендах одни враки. Даже террцы не знают, как Торрэль его создал и зачем. Мудрецы утверждают — для испытаний, другие твердят, что это мост между мирами. Хорошо бы попасть в библиотеку и просмотреть древние сказания и рукописи Марса Мудрого. Правда, говорят, писан оный на диурдском. Драконий диалект на террский язык куда проще и скорее озвучить. Нам бы чуточку злоупотребить гостеприимством столицы.

— Госпожа Иззэль, нас о том не просили. Мы можем загубить задуманное... — грустно произнесла Доминика, прекрасно понимающая, что переубедить Иззэль не получится.

— Скажи, что тебе скучно пролёживать свои аппетитные бока без дела. Попроси несколько книг с легендами... а быть может, принц сам... — Иззэль задумалась, приложив большой и указательный пальцы к подбородку. — Быть может, его милость сам тебе расскажет парочку сказочек на ночь. Из первых уст, так сказать... — девушка прижала пальцы к губам.

— Госпожа Иззэль, где взять вашу смелость? Я трусиха, Госпожа Иззэль... вы ведь меня знаете... госпожа Иззэль.

— Познаешь любовь, Доминика — отучишься от этой дурной привычки. Ты никому ничем не обязана. У нас с людьми одна кровь, пускай они и позабыли о том. Мы впра-

ве любить, кого хотим. Дураком окажется твой Лунар, раз не захочет владеть тобой, Доми! Я и сама бы не отказалась от тебя. Пожалуй, лишь груди королевы Орели больше твоих. Такую тентадорас как ты у меня — надо ещё сыскать!

— Госпожа Иззэль... Госпожа Иззэль... — девушка заревела навзрыд, но, сжав кулачки, быстро успокоилась. Её глаза горели алым огнём. — Вы слишком добры к своей подданной, госпожа Иззэль. Госпожа Иззэль, я добуду требуемые сведения, а заодно порадуя себя. Я горжусь, что мы с вами одной крови. Терра всегда будет алой!

— Терра всегда будет алой, — повторила девиз Иззэль Базальт — старшая внучка короля террцев.

— Госпожа Иззэль, вражда ведь кончится? Хеллсинги вновь будет жить без страха?

— Мы здесь как раз для того, чтобы прекратить эту людскую глупость. Долгая вражда — занятие расточительное для всех сторон.

Ночь, полнолуние, рассвет,
Nocc, pulnulynei, rossvaj
Всего на час, в полудня свет,
Vsagu no cos, v pulydni svaj
Слепой тига грядёт,
Slapue jego gridaj

Силой врата отопрёт,
Selue vrojo cјurгај,
Всяк, что заглянет в них,
Vsik, cјu zoglinaј v neh,
Будет ума лишён,
Bydaј ymo lawon,
Всяк, кто безумен,
Vsqk, kјo basyman
Добротой поражён.
Dobrojoe porogan.

— Госпожа Иззэль, что означают эти пугающие строки?!

Доминика третий месяц ходила в королевскую библиотеку, пока не забрела в особый раздел. Всё — благодаря ключу принца.

— Ты уверена в символах, Доминика?

Служанка пробежалась глазами по оригиналу и закивала.

— Диурды — любители загадок. Порой рифмы их псалмов остаются таинством до свершения, — грустно подытожила госпожа Иззэль Базальт и добавила: — Нам так и не удалось найти желаемого. Возможно, это то, что нужно, но сдаётся мне, что мы теряем время и ходим по кругу. Принцы имеют доступ, но в знаниях ограничены.

— Ваш дедушка потому и хотел близости с Венсаном...

— Поздно! — зло рывкнула Иззэль и, смяв листок бумаги в кулаке, сожгла его.

— Госпожа Иззэль, простите меня... госпожа Иззэль, от меня никакого проку нет вам... и терре...

— Что за глупость?! Домини, детка. Без тебя нам ключа не видать. Мой Джерод горазд разве что по постелям бегать и языком чесать. После меня его милость, правда, стал реже в трусы к другим барышням заглядывать, да служанок бедных по углам тискать. Красивый, терр. Нам, похоже, нужно подкрепление, чтобы архимагуса изловить до постели. Только хитёр и непрост наш месье Амбруаз Ле Гро и эго его. Эго больше, чем у Джерода. Нужна умная особа. Вертихвостку он в момент заворожит — и тогда конец всему.

— Как на счёт Ангелэль?

— Думаешь? Она же... того... Недурно придумано! Домини-ни-ка, да ты знающая своё дело потаскушка!

— Госпожа Иззэль... прошу, не называйте меня так... я не такая... госпожа Иззэль...

— Молчи, богиня любви думает, как всё повернуть, — внучка повелителя Хеллсинги взяла бумагу и перо.

Глава 7 Яблоко раздора

Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем. И если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя

© Фридрих Ницше

#Каменлун, кабинет наместника

Окутанный в красный бархат мантии, наместник «Камня» напоминал глобус, который смотрел в окно из своего кабинета, держа руки за спиной. Уроженец Сноутаджа сделал неплохую карьеру, добившись желаемого, но жаждал куда больших свершений. Ему не по нраву, что в башне архимагуса горели свечи, такая деятельность во «благо» Фулмунского острова казалась подозрительной, даже идущей рука об руку с предательством. Жизнерадостный архимагус уж больно рьяно проявлял ненужную прыть в делах королевства. Будь Амбруаз Ле Гро обычным придворным, то беспокоиться не о чём, устранить глупца не составило бы проблем. Луиджи Томмазо посылал «птахе» учеников и учениц, но надежда добыть сведения через дружбу не принесла желаемых плодов.

— Вечно суёт нос куда-то... не к добру это. Не к добру.

Что-то ему в клетке спокойно не сидится-то?!

Доверие — это роскошь особенно, когда все вокруг кажутся тебе завистниками или врагами. Ему ли это не знать?! На столе лежали донесения благородных друг на друга и предложения взяться за рискованные авантюры — переставить или заменить одни фигуры на доске другими. Лишись он бразды правления поддержать его будет некому. Томмазо хоть не духовное лицо, но всё же не имел права на личную жизнь и наследников. С этим он не желал мириться, а посему искал способы навлечь на себя власть, куда большую, чем дана наместнику королём. И тот, кто мешал честолюбивым свершениям — не спал и делал свои ходы:

— Терр-то тебя-то дери, Амбруаз... — сквозь зубы произнёс Луиджи Томмазо. — Что-то ты удумал-то, террский выродок?! Что-то ты такое о себе-то возомнил-то.

В кабинет постучали, а затем, слегка приоткрыв дверь, бросили что-то на ковёр, защищавший шаткое здоровье наместника от холода. Свёрток? Следуя уговору, Томмазо не обернулся. Через отражение в стекле удалось разглядеть лишь кожаные перчатки. Вошедший использовал минимальный проём для броска, чтобы тут же скрыться. Лишь спустя минуту мужчина стянул белые перчатки и, бросив их на стол подобрал посылку, завёрнутую в платок, запачканный кровью. Толстяк не обратил внимания на то, что его руки обогрились по локоть.

— Наконец-то, и рождённому ползать... взлететь-то по си-

лам оказывается! — наместник не удержался и рассмеялся, наконец-то он обрёл способ перевернуть мир с ног на голову.

В дверь постучали три раза с небольшой паузой, так, как это обычно делала Доминика. Иззэль с трудом встала. Последнюю неделю её мучали частые боли в пояснице и суставах, приходилось всё чаще использовать ночной горшок. Открыв, она никого не увидела. Маленький свёрток из красной ткани лежал в двух армах подле неё. Посмотрев по сторонам, она подошла. Не решаясь брать в руки оставленное, девушка накинула на него платок со своей магией. Ничего. Иззэль ткнула пальцем поверх платка, но тщетно. Похоже, можно не опасаться, что послание «заряжено» враждебным заклинанием или другим, способом причинить ей вред. Рисковать не следовало, помня о том, где та сейчас находится. Оставив всё как есть, она позвала Доминику, чтобы та попробовала взять свёрток в руки. Ничего. Лёгким кивком «госпожа» позвала служанку в покои. Стража на этаже куда-то подевалась. От такого стечения обстоятельств становилось не по себе. Заперев дверь на засов, Доминика положила ношу на стол и развернула.

— Не может... такого быть... «служанка» взяла яблоко и откусила его:

— Похоже, Домини. Нас раскрыли.

— Госпожа Иззэль... что нам делать?! — «госпожа» прикрыла рот кружевным платком, чтобы скрыть ужас.

— От нас хотят одного — побега. Иначе подобное отослали королю. Возможно, у врага лишь догадки. Убежим — нас тут же возьмут с поличным.

— Госпожа Иззэль... я боюсь...

— Принцы на нашей стороне, но медлить нельзя, Домини. Кто нам мешает — мы не знаем.

— Госпожа Иззэль... раз врагу ведома наша цель... не значит сие, что он и есть тот, кто выкрал «золотое яблоко»?

— Оттого и бежать не хочется. Слишком близко подобрались к нашей цели, Доминика.

— Мне не нравится, что убрали охрану. Госпожа Доминика, вдруг что-то случилось с принцем?

В дверь вновь постучали, Доминика вздрогнула, а Иззэль потянулась за кинжалом.

— Я открою, госпожа, — нарочно громко сказала «служанка».

Доминика кивнула и уселась в кресло как ни в чём не бывало, взяв книгу с комода.

— Господин Мартин Корро, госпожа.

— Узнай, зачем пожаловал вице-капитан.

— Слушаюсь, госпожа Доминика.

— Что вам угодно, господин Мартин?

— Поговорить. Срочно, — вице-капитан держался спокойно, но при этом бегло смотрел по сторонам.

Доминика кивнула и впустила мужчину внутрь комнаты. Вошедший кивнул и начал быстро говорить:

— Дамы, дурные известия... королеву и короля нашли мёртвыми... Убийц ищут.

— Ужасно, — Доминика отложила книгу и прикрыла рот платком.

— Самое ужасное, дамы кроется в другом... — мужчина сделал неловкую паузу, набрал воздуха в грудь и закончил. — Сегодня-завтра придут бумаги с вашим происхождением. Кто-то узнал о вас...

— Подозрение падёт на нас, поскольку мы сдружились с принцами...

— Верно, госпожа Доминика.

— Госпожа, покуда в замке суматоха. Следует отбыть через Паримарс, — Мартин Корро откланялся и направился принять командование.

— Госпожа, что с нами станется?

— Ничего плохого. Скажем Жанжаку принести красных яблок.

— Хорошо, госпожа Иззэль, а то я побаиваюсь оставаться одна.

— Ты никогда не будешь одна, Домини. Никогда. Вице-капитан на нашей стороне. Значит, принцы тоже. С нами Терр.

Багаж с платьями, ювелирными украшениями, книгами и прочим барахлом остался в комнате. Груз не помог бы им

в побеге, следовало избавиться от любой ноши с помощью Жанжака, который уходил из города через Туримагорские ворота. Иззэль Базальт захватила «часовой компас» и «кольца-окане». Их с лихвой хватит на взятки и дорожные нужды. Запасные личные грамоты юggi заготовили заранее.

Глава 8 Бегство

Говорят, что у узника всегда есть шансы убежать от стерегущего его тюремщика. И в самом деле, для узника успех всегда важнее, чем для тюремщика

© Жюль Верн, «Дети капитана Гранта»

Каменлун жил изящными улочками, по которым спешили горожане и сновали моряки. Синие парисы надёжно оберегали пару дам, петлявшую между зеваками и торговцами, от лишнего внимания. Беглянки должны уплыть прежде, чем мир вокруг вывернет наизнанку. Никто вокруг них не подозревал о событиях, случившихся в королевском дворце сегодня утром. Нужно этим воспользоваться, поэтому юги выбрали направление «Каменлун-Паримарс» — самую перегруженную транспортную артерию из восьми. Пусть каждый из городов и стремился перещеголять соседа в размахе построек, но больше всего в том преуспели именно люди. Самая богатая раса, наряду с токайцами, строила невиданные по роскоши и убранству торговые кварталы. Благородные дома этого града стремились показать финансовую мощь конкурентам, соревнуясь между собой в тугости мешков океане. Столицу Фулмундского острова пересекали четыре проспекта, соединяющихся у дворца. Набережные воро-

та Паримарс «упирались» в «стену-подкову». Прибывшим приходилось идти через стритлайн Хеллсинги или Мунхолл Гроста, где они смешивались с шедшими через ворота толпой. Без «подков» Каменлун станет огромным лабиринтом со множеством ходов. Здесь не было Токиотовских «подземок» или навесных мостов Хеллсинга, но всё же «Белый город» манил. Проспект уступал виду «северных ворот», через которые Изабелль и Доминика хотели добраться до арки с гербом Паримарса. Отсюда нельзя увидеть города, ступени, ведущие вниз, ухудшали обзор. Госпожа притворилась больной и шла, держа служанку под локоть, чуть прихрамывая на правую ногу. Кругом стояла ругань, матросы старались загрузить товар в трюм и убраться восвояси. Желających пришвартоваться в воскресенье хоть отбавляй. Подгадав момент, можно перебраться по трапу перед самым отплытием. Девушки надеялись, что Терр их не покинул, поскольку на набережной стали появляться отряды варгов и гвардов. Чем ближе они приближались к цели, тем больше их становилось. Поняв, что что-то не так, Иззель остановилась, опершись на парапет. Интуиция подсказывала, что водный путь закрыт, и пробежать на корабле не получится.

— Госпоже нехорошо? Могу я вам помочь? — обратился с вопросом капитан в белой форме.

— Нужно передохнуть, — быстро среагировала Доминика. — Не извольте беспокоиться, господин капитан. Госпожа немного не рассчитала силы. У неё слабое здоровье.

— В таком случае. Мой долг помочь. Простите, я не представился. Меня зовут Брюно Ле Мэр. Я капитан «Старой синьоры», — русоволосый мужчина с бирюзовыми глазами поклонился, положив правую ладонь на сердце.

— Снять бы с тебя форму! Да хорошечно выпороть! — подумала Доминика, покраснев.

— Всё хорошо, не смеем отвлекать вас от командования, — сказала Иззэль. — Кажется, мне скоро станет лучше. Спасибо вам, капитан, за заботу, — а про себя Базальт подумала. — Какой нагло-симпатичный тип! Убила бы за дерзкие глаза! Джерод, и тот скромнее смотрит!

Иззэль и Доминику начинало сжимать невидимое кольцо варгов, воинов террейна и диурдов. Последних, так вообще призывали лишь в крайнем случае, ибо приказы эльты выполняли плохо, зато обладали колоссальной физической силой, когда активировали татуировки на своём теле.

— Знать, капитан не за зря чарует подчинение, — сказала дочь дома Базальт, мысленно отдав приказ фамильяру готовиться.

— Я использовал взгляд раскаяния, а не подчинение. Назарет, замечен у Токайской арки, — ухмыльнулся Бруно. — Мне говорили, чужие жизни тебе важны.

Светлячок замер над аркой, так, чтобы даже прыгучие диурды не могли его оттуда подцепить. Они единственные, кто мог помешать, не причинив вреда фамильяру, который готовился взорвать больше трети города.

— У каждой арки, — прошипела Доминика и улыбнулась так, словно желала всем сердцем придать чресла мужчины розгам.

— Остальное сильно не... — Бруно не успел договорить, его перебила Доминика:

— Будь покоен, капитанчик! Жизни не пожалею за терру и госпожу! Корабли запыхают во славу Терры! Каменлун тряхнёт до руин!

Брюно Ле Мэр поднял левую руку, чтобы все отступили назад.

— Я капитан, а не палач или гончая. Горожане не заслужили такой судьбы. Госпожа Базальт останется. Слугам позволено уйти, слово офицера. За безопасность — ручаюсь лично. Никто и пальцем не тронет ни госпожу, ни слуг. Уверен, что Хеллсинги не причастен. С такими способностями тянуть три месяца бессмысленно.

— Дайте нам пять минут, — произнесла спокойным голосом Иззэль.

Капитан удивлённо повернулся в сторону, как он думал, «служанки»:

— Три минуты, дамы. Нужно уладить формальности. Иззэль кивнула.

— Доминика, слушай внимательно...

— Госпожа, Иззэль! Я вас не отдам! Госпожа, Иззэль...

— Доминика напрасно надеялась, что госпожа изменит своё решение.

— Я внучка правителя терры, — Базальт обняла подругу.
— Мне ничего страшиться. Я ценная пленница. Тебе предстоит бежать с Жанжаком.

— Госпожа...

— Слушай, Маэлис... не перебивай. От тебя зависит будущее террцев.

— Терра всегда будет алой... госпожа Иззэль, я сделаю всё, что вы мне прикажете... госпожа Иззэль...

— Это мольба, Маэлис... тебе придётся взвалить на себя непосильную ношу...

— Я согласна, госпожа Иззэль.

— Бегите с Жанжаком. Отныне вы муж и жена. Я благословляю вас. Этого достаточно.

— Я поняла, госпожа Иззэль.

— Ты обещала, Маэлис. «Jonkun toisen lapsi».

— Lapseni... — сквозь подступающий ком в горле ответила на заклинание согласиём служанка.

— Ради спасителя терры... держи «кольцо-окане». Остальное у Жанжака. Спаси наше с Джеродом дитя.

— Госпожа Иззэль.

— Я знаю, что справишься. Ты же моя любимая потаскушка.

Иззэль разжала объятия и последовала в сопровождении капитана и небольшого смешанного отряда.

— Я разорву тебя, если нарушишь слово! — кричала Маэлис вслед уходящему конвою. — Обещаю! Слышишь меня!

На мелкие куски разорву!

Варги отпустили Жанжака, он подошёл к Маэлис и тихо промолвил:

— Госпожа Иззэль знала о заговоре... ей нужен был козырь для нас... ещё она сказала, что путь в Хеллсинги закрыт. Нас предали... предали свои, Маэлис... свои... — с горечью повторил Жанжак.

Девушка развернулась и уткнулась лицом в грудь, плача и крича от горя. Мужчина стоял как вкопанный, ни живой и не мёртвый. Они были одни в чужом городе, лишённые госпожи и веры. Первой оклемалась служанка, взяв за руку мужа, которого даровала судьба», она не спеша направилась к повозке, что терцы купили заранее на случай побега. Ей хотелось продолжать выть, но девушка не хотела радовать своим горем толпу зевак. Жанжак поднял жену как пушинку, в фургоне её ждали простыни, под которыми муж заботливо расстелил свежее сено, а по бокам поставил бочки с вином. «Муж» в качестве легенды выбрал прошлую профессию. Им следовало отбыть на линёре до Паримарса, а после затеряться на острове.

Глава 9 Кости тоже горят

То была идеальная ненависть. Никогда не подозревал, что ненависть может давить на человека такой реальной физической тяжестью

© Харуки Мураками, «Страна Чудес без тормозов и Конец Света»

— Где остальные-то? — кричал пунцовый от злости наместник Томмазо. — Разве я приказывал не брать службу-то? Где они-то?! Я тебя спрашиваю, Бруно!

— Я дал слово, ваша честь. Госпожа Иззэль доставлена под стражу и находится в заключении.

— Не давай обещаний, тех-то, что сдержать не сможешь-то! Аль Герр-то... — Луиджи кивнул. Варг молниеносно вонзил нож в спину и провернул рукоять.

Капитан закашлял кровью; бирюзовые глаза вспыхнули от боли и погасли. Убийца дождался, пока русоволосый мужчина сядет на колени, чтобы вынуть нож и вытереть его о белый китель.

— Догнать. Живыми-то слуг можно и не брать-то.

— Слушаюсь, ваша честь.

Наместник кивнул на тело капитана. Двое варгов в красных токах и парисах подняли тело за руки и ноги и вынесли

из кабинета. Оставшись наедине, Луиджи вручил командиру отряда «кольцо-окане» и мешок с «кристаллами-окане» для остальных.

— Доставь Доминику-то живой. Хорошо бы. Дам-то ведь не меньше.

Аль Герр кивнул, убрав плату в скрытый карман:

— Будет исполнено, ваша честь.

Наместник поднял руку в знак того, что разговор окончен и он больше не нуждается в его компании. Аль Герр покорно кивнул и вышел, пятясь до самой двери.

— Чудно. Чудно. Дело-то за малым, — наместник достал из шкафа бутылку вина и бокал. — Король-то умер, да здравствует король-то! — Луиджи залпом выпил, послав манеры к терру.

Мартин третий день находился в одной из особых комнат, как Томмазо их называл. Приглашённый из Сноутаджа дознаватель должен вот-вот прибыть к месту допроса. Погоня не увенчалась успехом, и это дурно сказалось на настроении Томмазо. Судя по докладу командира варгов, тому способствовал не только Мартин, но и принцы.

— Знатная компания-то подобралась, — подумал Луиджи.

Потерявший сознание вице-капитан висел, прикованный

к стене, «змееносцами».

— Ничего. Не долго-то отдыхать осталось-то, — сказал на сей раз вслух наместник, наблюдая за страданиями офицера.

Ему даже становилось жаль взятого по обвинению в измене. Диурд Марк, нетис варгского происхождения, больше известный как «Верселунец», имел крайне дурную славу и стал знаменит тем, что мог развязать язык любому. С принципами «разговоров» никто вести не может, но вот со «свидетелями» — другое дело. Правда, наместник не уверен, что дознаватель поступит благоразумно и не растерзает допрашиваемого. Юноша не признавал богов, не делал различий между страданиями мужчин или женщин, стариков и детей, тем самым вызывал симпатию временного наместника Каменлуна.

— Боль искупает все грехи... даёт покой... — Мартин безвольно висел на цепях, пока «красные» не окатили его ледяной водой.

Верселунец стоял босыми ногами на каменной плитке, голым по пояс. На его теле красовались следы от розог и порезов, которыми тот сам себя наказывал; белые волосы навсегда были выжжены пламенем. На шее Марка висела белая змея. Острый череп и скулы придавали юноше схожесть с фамильяром, а холодный, цепкий взгляд из осколков разных

цветов начал мысленно пережёвывать добычу. Плоть для него — медленно гниющее мясо. Из головы допрашиваемого одна за другой вырывались страницы; конечно, бывало, что вместе с листьями отрывало ногу или руку, но главное, что голова всегда висела на плечах. Чем сильнее жертва сопротивлялась, тем больше частей тела теряла. Чужая жизнь и боль Марка становились увлекательным и захватывающим чтением. Сначала Мартин выдавал только пустые страницы, пропитанные кровью. Вице-капитан перестал чувствовать боль; он видел, как на пол упала сначала левая, а потом и правая рука; глаза не воспринимали увиденное, поскольку опустели от безумия. Одного из «красных» вывернуло наизнанку. Руки не просто отвалились и упали — кожу, кости и сухожилия отрывала от плеч неведомая сила. Фамильяр пополз обратно — значит, больше информации получить не получится.

— Боль искупила твои грехи, покаяние дало тебе покой...
— Марк не смотрел на полученные страницы с признанием; ему плевать, в чём Мартин каялся, раз он спас его душу.

Аль Герр забрал письменное признание и хотел было удалиться, чтобы доложить об успехе наместнику, но вздрогнул, услышав слова Верселунца:

— Отправьте тело в Хеллсинги. Пусть ведают, что боль искупила грехи, покаяние дало покой...

— Будет исполнено. Вы очень великодушны к грешникам.

— Моя слабость. Склонен прощать слабые души.

Глава 10 После похорон

Похороны — это абстрактная церемония. В них нет истинного ощущения смерти

© Чак Паланик, «Бойцовский клуб»

Смерть королевской четы потрясла не только Каменлун, но и земли за пределами Фулмуна. Венсан де Лун Менсис олицетворял благородство и мощь острова; за его широкой спиной стояла Орели Азуле де Лун Менсис, любовь народа к которой была безграничной. Горожане, одевшись в чёрные одежды, подошли к «дворцу всех королей». Тысячи свечей освещали ночную процессию. Вскоре огонь коснётся стоп правителей, схватив мертвецов жаркой хваткой, не оставит от них даже пепла. Руководил ритуалом наместник; ни один из принцев на похоронах не присутствовал. Опечаленные горем не сразу заметили отсутствие наследников короны. Костры возносили молитву до небес в надежде, что король и королева обретут покой. Луиджи Томмазо смотрел, как сгорает первая преграда, мешавшая его замыслам, находясь в эмоциональном экстазе; остальные могли принять это состояние за безумие, вызванное смертью правителя. Горожане верили, что Джерод заменит отца на троне; верили, что принцы убиты горем и потому не вышли попрощаться с родителями.

Ни громких речей, ни сладкой лжи. Мир сжался до размера двух погребальных костров, всё так же печально взывающих к Рокку.

Эльтеррцы запечатали королевские покои магическими печатями; теперь вход в покои мог открыть лишь наместник после объявления нового короля. Но сегодня Луиджи предстояла другая работа. Запершись у себя в кабинете, мужчина принялся писать письма восьми благородным домам. Последним адресатом стал повелитель Терры, чья внучка находилась под домашним арестом, как и принцы. Аль Терр с разрешения Томмазо приказал сколотить коробку и отправиться на первом судне, идущем на Северус, с особым посланием для Леврэлля де Базальт. Сноутаджер распорядился получить письменный ответ от грозного «Льва». Деликатное дельце, которое можно доверить лишь жадному до кристаллов-окане подонку. Собрание «восьми» должно пройти гладко; сюрпризы заставляют нервничать и перекраивать планы — а этого исполняющий роль наместника не любил. Дверь молниеносно открылась и захлопнулась без скрипа, но со звуком падающего свитка на ковёр. — Никак не привыкну-то, — одетый в красную рясу мужчина подобрал свиток и после беглого взгляда сорвал печать дома Базальт. — Вон-то оно что-то... хитрецы-беглецы-то! Как-то предсказуемо-то!

— Луиджи рассмеялся и взялся за перо, чтобы завершить задуманную им партию.

Каменлун, «дворец всех королей», Зал заседаний

Приглашённые главы благородных домов уселись за круглый стол согласно порядку расположения их на карте. Совет собирался лишь в отсутствие короля — в случае, когда правитель болен или мёртв. В центр стола установили кристальный шар «Судьбы», чтобы фиксировать ход заседания. Наместник, единственный, кто стоял в комнате, этикет велел ему перечислить собравшихся, а уж затем огласить причину собрания:

— Луис-то де Лафар, представитель-то людей-то, — галантный мужчина в белом костюме и цилиндре едва заметно кивнул, сдерживая брезгливость от дефекта речи наместника и потирая лоб кончиками пальцев, будто мучаясь от головной боли, вызванной нахождением в компании «мужланов».

— Вензеслос де Лун, представитель эльфиннов, — чуть щуря глаза, которые обдавали холодом голодной до крови стали, «филин» почтенно склонился, облокотившись на спинку стула и скрестив руки. Лёгкая полупрозрачная туника соприкоснулась с обшивкой.

От Луиджи не скрылась угрожающая гримаса. Вытянутое

лицо Вензеслоса как будто стало острее и злее обычного .

— Арису-то де Фукудо-то, представитель-то йотти-то, — синий кот на коленях у болезненно вида мальчика с «мешками» бессонницы под серыми глазами недовольно фыркнул.

— Амэндо-то де Туркл-то, представитель-то горцев, — на стуле сидела целая груда доспехов, где в области головы лежал чёрный шар — меха-робот с горцем внутри дружелюбно поднял обе руки вверх, поприветствовав всех на свой лад.

— Сатурн-то де Тайфер-то, представитель-то диурдов, — синекожий мужчина, скрывавший покрытое белыми рунами тело под чёрными, разлетающимися во все стороны бинтами из париса, отвернулся в сторону и сквозь зубы поприветствовал остальных.

— Артур-то де Менсис, представитель-то эльтов, — глаза мужчины закрывали кожаные ремни, поверх, которых легли ржавые цепи, отец Орели Азуле де Лун Менсис, зачесал съехавшие золотые волосы назад костяным гребнем и оскалился от боли.

— Аль-то Кавим де Эрран-то, представитель-то, варгов, — наместник побелел, когда увидел, что рука правителя кочевников потянулась к поясу, к счастью, оружие проносить запрещалось. — Аль... Кавим... Де... Эрран, — трясаясь от страха произнёс Луиджи.

— А что?! Так можно было?! — Вензеслос де Лун оперся

локтями на стол и посмотрел на белеющего Томмазо.

— Будет тебе, — самым старым участником совета являлся — Леврэлль де Базальт, сидевший отстраннёно, но слова тёмнокожего мужчины с красными волосами возымели эффект.

— Леврэлль-то де Базальт. Представитель-то демонов-то, да тен-та-до-ров-то, — исполняющий обязанности наместника Каменлуна закончил представление и перевёл дух.

— Ну, наконец-то-то! Что-то хотел-то-то?! — съязвил Луис де Лафар глядя на смущённого Луиджи.

— Да начнётся совет-то! Я-то созвал вас-то с тем, что-то нашёл причастных к смерти-то короля и королевы-то.

— Отдайте их нам! — взорвался Вензеслос де Лун.

— Нет, нам! Казнь для подонков — слишком великая честь! — Артур де Менсис ударил по столу ладонью. — Мусор террейна, что прохлопали. Разорву лично! Вот тигам потеха будет!

— Не-то всё-то так-то просто, господа. Здесь-то замешан принц Джерод-то... Лунар убит-то им-то... сие деяние стра-

жа-то подтвердит...

— Слова выбирай, наместник! — Артур де Менсис не соби-
рался садиться обратно. — Каким боком. Ты наших маль-
чиков сюда приплёл?! Ммм?!

— Три-то месяца назад-то. Сюда-то прибыли тайком.
Под подложными-то именами. Изэль-то Базальт со-то слу-
жанкой-то, что-то притворялась госпожой-то. Соблазнив-то
принцев. Заставили погубить-то отца-то и мать-то свою.

— Что он городит?! Лэврэль?! Изэль тут причём?! —
Артур де Менсис повернулся в сторону «Хеллсинги».

— Не надо так горланить, любезнейший, — сказал
«юнец», что гладил синего кота.

— А ты! Ты... ты Алису, харэ выделяться и разговари-
вать через куклу! — парировал эльтерр и сел обратно в крес-
ло с резной спинкой. — Совсем обленилась! Мужеподобная!

— Я отправил Изэль, — спокойно сказал «лев». — Кто-
то выкрал «золотое» яблоко. Следы вели в Каменлун.

Луиджи Томмазо достал и помахал листьями добытыми
«Верселунцем»:

— Чисто-то-сердечного-то признания от-то виновников-то сего!

— Положим, написанное враки. Марк известный душегуб. Королева не секрет. Слаба была. Король мог с горя неразумное поделать, — Аль Кавим де Эрран говорил спокойно. — Положим, принцы близость имели, но Венсана сгубить? Коим чудовищем надобает быть. Что за сила на такое способна?

— Яблоко могли не выкрасть, а дать одному из принцев. К примеру, Джероду, — цинично заметил Луис де Лафар. — Уши мужчин слабы перед демонессами и тентадорас. Сила их чар известна всем далеко за пределами королевства.

— Терру устраивает нынешний статус вассала? — лукаво произнёс правитель Паримарс.

— Рисковать внучкой, ради безуспешного дела, — сказал Аль Кавим. — Не в духе демонов?

— Слышал в наследниках Хеллсинги нужды не испытывает. Одних только «batard» на два века вперёд. Хотя в прррошлый ррраз терррцы именно ррратовали за эльфийский союз, — добавил синий кот.

— Рафаэль отдал своё золотое яблоко. Исцелить после работы Марка и доказать, что мы не виноваты. Но мы не смогли. Сейчас он не более, чем живой полу мертвец. Полу мертвец утративший разум. Давить на меня внучкой не выйдет. Да. Мы отправили скрытую миссию. Однако, смерть короля не наша вина. Моё последнее слово.

Луиджи от первых фраз сделалось дурно, он сделал пару глубоких вдохов, призвав себя к спокойствию. Никто не говорил, что льва так легко получится распять.

— Позволь узнать. Как сильнейший из нас мог пасть? — Сатурн де Тайфер слушал внимательно, делая про себя выводы. — Такое и мне не под силу. Наместник. Все доказательства?! Принц Джерод силён, но как по мне сказанное бред. Выступать против из-за выбитых признаний?!

Наместник Каменлуна понял, что план трещит по швам и судорожно думал, что побудит совет изменить мнение.

— Последнее-то. Наш-то покойный король-то отправлял письмо с просьбой передать тому-то яблоко-то для королевы...но-то получил тот-то отказ... — Томмазо пустил в ход заготовленный заранее аргумент, чтобы разжечь пламя ненависти.

— А вот сие презабавно, — варг повернулся в сторону соседа.

— Смешение двух начал недопустимо, — сухо парировал Лэврэль.

— Даже ради королевы?! — Артур де Менсис снова вскочил со своего места, его ноздри гневно раздувались, эльф-терр опёрся на стол ладонями, вены на шее вздулись от гнева, казалось, что тот сдерживался из последних сил.

— В таком случае мы объявим войну терре, — добавил эльфинн.

— Внешность Джерода-то изменилась, теперь-то принц больше демон, чем эльф, — Луиджи решил поставить точку над «i».

Совет принялся сверлить взглядом террского Льва. Исключением не стали обычно нейтральные Токиото и Туримагор.

— Начать вече-то?

— Суд восьми карт! — рыкнул эльтерр. — Голосуем про-

тив обвиняемых! Пущай «шар истины» вынесет приговор.

Перед каждым участником возник горящий сноп ярких искр, что «сплели» по три карты застывшие в воздухе. Под золотыми рубашками укрылась чёрная «голос против», синяя «голос за» и белая «не голосую».

— Я повторю. Терра ни причастна ни к гибели короля, ни к изменению Джерода. В просьбе Венсану я отказал. Это правда. Мой голос «чёрный». Хеллсинги не причём и нам скрывать нечего. Клеветать не позволю! Ровно как и шантажировать внучкой! Терра не причастна!

Аура Леврэлля вырвалась из него красным сиянием, будто правитель Хеллсинги горел изнутри, а пожар вместе с гневом вырывался наружу, образовав пламя.

— Голосуем-то... — робко предложил Томмазо.

— Заткнись, Луиджи! Не разевай пасть, когда старшие говорят! — крикнул вставший со своего места Аль Кавим де Эрран, указав пальцем на опешившего наместника, змееносец на его руке зло блеснул. — Мы с террцами делим Винтеберг. Он помогал моему отцу и народу выжить! Мой голос «чёрный»! — перст воина ткнул по надлежащей выборке «чёрной» карте, «белая» и «синяя» рассыпались искрами;

варг сел, скрестив руки на груди.

— «Белая» карта. Прости, сосед, но сложно поверить, что принц убил принца без твоей помощи, — правитель Паримарс наотмашь ударил по рубашке, тем самым отправив в небытие ещё две карты.

Артур де Менсис молча призвал фамильяра жабу, чтобы та ударила ядовитым языком по «белой» карте. Объяснить своё решение «Snoyjodg» не стал, сквозь кожаные ремни потихоньку просачивалась кровь вперемешку с гноем. Призыв дался эльтеррцу с трудом, вскоре из его носа потекла струйка крови, а откашлявшись, мужчина запачкал алым золотой стол. Луис де Лафар поморщился не в силах скрыть отвращение от увиденного.

— «Белая» карта, — процедил сквозь зубы Вензеслос.

Амэндо де Туркл собрал в руке чёрную материю, что резко выстрелила по «голосу против» и вернулась обратно в ладонь, когда правитель горцев её сжал, зал заседаний ненадолго погрузился в кромешную тьму.

— Три-то против. Три-то за, — сказал Луиджи глядя на шар в центре стола, который в зависимости от решения совета примет решение и самостоятельно вынесет вердикт.

Синий кот что-то промурчал на ухо кукле, после чего ма-рионетка выбрала «синий» цвет. Диурд не хотел голосовать и до последнего ждал, что «суд» обойдётся без него, теперь можно выбрать «синюю» сторону. Иметь вражду с эльфами, что держат на острове слабых подданных? Сатурн хотел сохранить отношения на будущее со всеми, отделившись малой кровью. Демоны, сильны так пускай умерят пыл и амбиции.

Голос «шара» был механически ровным и беспристрастным:

— Решение принято. Хеллсинги лишаются права голоса и участия в аукционе на пятнадцать зимм, но сохраняют право участвовать в «Королевской битве». Лэврэль де Базальт. Изэлль де Базальт. Джерод де Лун Менсис. Поглотит «таинственный сад» . Каменлун закроется до появления претендентов на трон восемью полумесяцами. Сообщение будет работать через «Bluest» и «Whitles» без участия кого-либо извне.

— Джерод тут не причём! Тупой булыжник! — Артур де Менсис кричал несмотря на тело съедаемое болью от использования фамильяра, приступ усилился и дополнился судорогами, но мужчина не обращал это внимания, поэтому Сатурн собрал в кулак магию и резко ударил эльгта по основанию

шей, чтобы тот не причинил себе ещё больший вред, а заодно не вмешался в исполнение наказания.

— Прости, но ты сам проголосовал против... — диурд усадил на стул обмякшее тело, никто из собравшихся не проронил ни слова.

— Приговор вступит завтра. В восемь дня. Под первыми лучами полуденного солнца, — проговорила «судьба» и погасла.

На Фулмунском острове началось время «восьми королей и одного шута».

Глава 11 Таинственный сад, камень истины

— Я никогда не посмею сказать, что я знаю истину, — сказал масон, всё более и более поражая Пьера своею определенностью и твердостью речи. — Никто один не может достигнуть до истины; только камень за камнем, с участием всех, миллионами поколений, от праотца Адама и до нашего времени, воздвигается тот храм, который должен быть достойным жилищем Великого Бога. — сказал масон и закрыл глаза

© Толстой Л. Н., «Война и мир»

#Таинственный сад, камень истины

Утратив силы в борьбе с осенью, полуденное солнце скользнуло под защиту лабиринта, лениво паря над столицей королевства. Вокруг дворца Луиджи Томмазо возвёл живую стену из варгов. Степняки надели белые парисы и чёрные токаи скорби, а чтобы избежать атаки магии, по земле обули деревянные сандалии, что громко цокали при ходьбе. Горожане не могли видеть, как из дверей выходит «квадрат» из фигур в красных балахонах. Закрывая лица, подобно страже, они медленно зашагали к воротам «таинственного сада»,

сковав одной магической цепью руки, что несли на себе деревянные колодки. Попытка разбить построение вызовет чудовищный взрыв. Для процессии на каждого конвоира надели по девять «змееносцев», включая «чёрную вдову», что обхватила шею каждого. Это ожерелье сработает не только при условии смерти или потери сознания носителя, но даже при получении царапины или синяка, полученного посторонними предметами, либо же магическим воздействием. В один миг «куфеи» из белого станут алыми, искры пламени добегут сначала до локтей, спустятся к запястьям, поползут к коленникам, а напоследок коснутся стоп, активизируя смертоносный заряд за четверть мгновения. Джерод шёл за Иззэль, которая едва плелась вслед за дедушкой. Ворота сада уже распахнули им свои двери. Новое зрение позволяло принцу видеть сквозь нелепые мантии. Он вспомнил, как впервые увидел её: тогда сердце будто сломалось пополам. Девушка улыбалась, а тот чувствовал жгучую, непривычную боль.

— Моя любовь... что он с тобой сделал? — мысленно спросил принц и сжал кулаки. — Будь ты проклят, Томмазо! Я пошёл на сделку, а ты обманул нас всех. Да, ещё и молчание наложил! Боги отомстят за нас! Ты не думай, что уйдёшь от них...

Приговорённые ступили без всякого сопровождения. Варгов отбросило магическим барьером. Оказавшись в пустыне, они молча сели на песок. Девушка скинула капюшон,

и принц увидел следы побоев. Из него вырывались слова, но вокруг по-прежнему царила тишина. Иззэль вернула себе огненные локоны и рубиновый взгляд, который заполнили слёзы. Томмазо лишил наследника языка. Демонесса улыбалась Джероду, который подошёл и молча взял её на руки, готовый нести, куда хватит сил. Лэврэль наблюдал за воссоединением, ни проронив и слова. Чёрная кожа щитом начала отражать палящие лучи солнца, когда тот решил скинуть капюшон и оголить могучий торс, оставшись в одних штанах из грубой, мешковатой ткани.

— Истинно лев Терры, — подумал Джерод.

— Алебард, веди.

С плеча на песок прыгнул маленький геккон и засеменил по хребту бархана. Последний оставшейся в живых принц мысленно призвал Пегаса, чтобы усадить на него Иззэль. Жаль, что фамилляр не сможет преодолеть «таинственный сад», зато облегчит участь любимой. Главное, чтобы хватило сил продержаться до «камня истины». Отец никогда не рассказывал, что видел здесь. Без знаний оставалось доверяться мелкой рептилии, которой, похоже, не по нраву нагретая пустыня. Правитель Терры не оглядывался; по его спине не скатилось ни одной капли пота. Сколько они уже так шли, никто из них не знал. Барханы сменяли друг друга нечасто. Сначала путники ещё обращали на это внимание, но удушающая жара пила их, как воду. Пегас поднял крылья вверх, чтобы закрыть наездницу и себя от солнца. Джерод думал

лишь о том, сколько будет продолжаться странное путешествие. Быть может, их просто убьёт пустыня? Гэты не спасали от песка. Из всех спрятанных земель в лабиринте судьба закинула их в смертоносную пустыню Ато-т-Суп? Иззэ-эль и Леврэль здесь как дома. Возможно, даже пересекали её, но в составе каравана. Их трое, без запасов воды, еды и хорошего ночлега, дойти вряд ли получится. Пустыня поглощает их, а обитатели в виде гигантских «varnes» или стервятников позаботится о них так же, как о других неудачливых путниках. Подземные твари — самая большая угроза. Черви — умные, когда дело касается пропитания. Они роют целые ходы, организуют зыбучие пески; именно поэтому варги берут с собой «аль-руйтерров», который за хорошую плату ведёт впереди каравана «victima», что нагружают отравленным песком, дабы потравить чувствительных к ядам «демонов пустоши». По мере продвижения на расстоянии до ста далей пяти-семи варглюдов хватает, но иногда не обходится и без куда больших потерь. Тогда степняки разгружают самое старое или слабое животное, чтобы использовать как «domun». На ношу несчастного создания перераспределяют. Если выбранный варглюд доживал до конца путешествия, то становился «domun daogun». По старому обычаю хозяин варил из него похлёбку для всех, кто прошёл путь. Считалось, что данная трапеза приносит удачу и защиту от бед. За такой дар полагалось благодарить владельца подношениями. Опытные наездники за один поход с большим караваном ту-

да и обратно обеспечивали семью на ползимма вперёд. В случае смерти «аль-руйтерра» ничего не получал; потеря варглюдов также полностью ложилась на плечи погонщиков. Сопровождающие часто выходят вместе с сыновьями, тем самым передавая опыт из поколения в поколение. Особо крупные рейды брали, как правило, несколько «аль-руйтерров». Сейчас же шанс встретить торговцев или путников, Джерод считал сказочным. Сюда не долетит даже дирижабль горцев. Они, как никак, в «таинственном саду», а значит, всё будет иначе, чем в жизни. Возможно, их судьба — это сгинуть в пустыне под палящим солнцем югга, но пока есть силы, он будет шагать ей на встречу.

Глава 11 Таинственный сад, камень истины

— Я никогда не посмею сказать, что я знаю истину, — сказал масон, всё более и более поражая Пьера своею определенностью и твердостью речи. — Никто один не может достигнуть до истины; только камень за камнем, с участием всех, миллионами поколений, от праотца Адама и до нашего времени, воздвигается тот храм, который должен быть достойным жилищем Великого Бога. — сказал масон и закрыл глаза

© Толстой Л. Н., «Война и мир»

#Таинственный сад, камень истины

Утратив силы в борьбе с осенью, полуденное солнце скользнуло под защиту лабиринта, лениво паря над столицей королевства. Вокруг дворца Луиджи Томмазо возвёл живую стену из варгов. Степняки надели белые парисы и чёрные токаи скорби, а чтобы избежать атаки магии, по земле обули деревянные сандалии, что громко цокали при ходьбе. Горожане не могли видеть, как из дверей выходит «квадрат» из фигур в красных балахонах. Закрывая лица, подобно стра-

же, они медленно зашагали к воротам «таинственного сада», сковав одной магической цепью руки, что несли на себе деревянные колодки. Попытка разбить построение вызовет чудовищный взрыв. Для процессии на каждого конвоира надели по девять «змееносцев», включая «чёрную вдову», что обхватила шею каждого. Это ожерелье сработает не только при условии смерти или потери сознания носителя, но даже при получении царапины или синяка, полученного посторонними предметами, либо же магическим воздействием. В один миг «куфеи» из белого станут алыми, искры пламени добегут сначала до локтей, спустятся к запястьям, поползут к наколенникам, а напоследок коснутся стоп, активизируя смертоносный заряд за четверть мгновения. Джерод шёл за Иззэль, которая едва плелась вслед за дедушкой. Ворота сада уже распахнули им свои двери. Новое зрение позволяло принцу видеть сквозь нелепые мантии. Он вспомнил, как впервые увидел её: тогда сердце будто сломалось пополам. Девушка улыбалась, а тот чувствовал жгучую, непривычную боль.

— Моя любовь... что он с тобой сделал? — мысленно спросил принц и сжал кулаки. — Будь ты проклят, Томмазо! Я пошёл на сделку, а ты обманул нас всех. Да, ещё и молчание наложил! Боги отомстят за нас! Ты не думай, что уйдёшь от них...

Приговорённые ступили без всякого сопровождения. Варгов отбросило магическим барьером. Оказавшись в пу-

стыне, они молча сели на песок. Девушка скинула капюшон, и принц увидел следы побоев. Из него вырывались слова, но вокруг по-прежнему царила тишина. Иззэль вернула себе огненные локоны и рубиновый взгляд, который заполнили слёзы. Томмазо лишил наследника языка. Демонесса улыбалась Джероду, который подошёл и молча взял её на руки, готовый нести, куда хватит сил. Лэврэль наблюдал за воссоединением, ни проронив и слова. Чёрная кожа щитом начала отражать палящие лучи солнца, когда тот решил скинуть капюшон и оголить могучий торс, оставшись в одних штанах из грубой, мешковатой ткани.

— Истинно лев Терры, — подумал Джерод.

— Алебард, веди.

С плеча на песок прыгнул маленький геккон и засеменил по хребту бархана. Последний оставшейся в живых принц мысленно призвал Пегаса, чтобы усадить на него Иззэль. Жаль, что фамилляр не сможет преодолеть «таинственный сад», зато облегчит участь любимой. Главное, чтобы хватило сил продержаться до «камня истины». Отец никогда не рассказывал, что видел здесь. Без знаний оставалось доверяться мелкой рептилии, которой, похоже, не по нраву нагретая пустыня. Правитель Терры не оглядывался; по его спине не скатилось ни одной капли пота. Сколько они уже так шли, никто из них не знал. Барханы сменяли друг друга нечасто. Сначала путники ещё обращали на это внимание, но удушающая жара пила их, как воду. Пегас поднял крылья вверх,

чтобы закрыть наездницу и себя от солнца. Джерод думал лишь о том, сколько будет продолжаться странное путешествие. Быть может, их просто убьёт пустыня? Гэты не спасали от песка. Из всех спрятанных земель в лабиринте судьба закинула их в смертоносную пустыню Ато-т-Суп? Иззэ-эль и Леврэль здесь как дома. Возможно, даже пересекали её, но в составе каравана. Их трое, без запасов воды, еды и хорошего ночлега, дойти вряд ли получится. Пустыня поглощает их, а обитатели в виде гигантских «vargnes» или стервятников позаботится о них так же, как о других неудачливых путниках. Подземные твари — самая большая угроза. Черви — умные, когда дело касается пропитания. Они роют целые ходы, организуют зыбучие пески; именно поэтому варги берут с собой «аль-руйтерров», который за хорошую плату ведёт впереди каравана «victima», что нагружают отравленным песком, дабы потравить чувствительных к ядам «демонов пустоши». По мере продвижения на расстоянии до ста далей пяти-семи варглюдов хватает, но иногда не обходится и без куда больших потерь. Тогда степняки разгружают самое старое или слабое животное, чтобы использовать как «domun». На ношу несчастного создания перераспределяют. Если выбранный варглюд доживал до конца путешествия, то становился «domun daogun». По старому обычаю хозяин варил из него похлёбку для всех, кто прошёл путь. Считалось, что данная трапеза приносит удачу и защиту от бед. За такой дар полагалось благодарить владельца подношениями.

Опытные наездники за один поход с большим караваном туда и обратно обеспечивали семью на ползимма вперёд. В случае смерти «аль-руйтерра» ничего не получал; потеря варглюдов также полностью ложилась на плечи погонщиков. Сопровождающие часто выходят вместе с сыновьями, тем самым передавая опыт из поколения в поколение. Особо крупные рейды брали, как правило, несколько «аль-руйтерров». Сейчас же шанс встретить торговцев или путников, Джерод считал сказочным. Сюда не долетит даже дирижабль горцев. Они, как никак, в «таинственном саду», а значит, всё будет иначе, чем в жизни. Возможно, их судьба — это сгинуть в пустыне под палящим солнцем юга, но пока есть силы, он будет шагать ей на встречу.

Глава 12 Драома — «Солнечный край»

Пришло лето, и ветер был летний — теплое дыхание мира, неспешное и ленивое. Стоит лишь встать, высунуться в окошко, и тотчас поймешь: вот она начинается, настоящая свобода и жизнь, вот оно, первое утро лета

© Рэй Брэдбери, «Вино из одуванчиков»
#Драома

Повозка катила не спеша по пыльной дороге, чтобы не привлекать к себе ненужного внимания. Девушка в простом платье держалась за руку мужчины, управлявшего бурой клячей при помощи вожжей. От прикосновений «жены» Жанжаку становилось немного не по себе. Его не покидало странное чувство в груди; глядя на Доминику, «netēs» смущался и робел, но освобождаться от ладони не спешил. Служанка вела их к указанной цыге с помощью врученного ей часового компаса. Она и помыслить не могла, что их уже ждали. Неделю за неделей они петляли, делали большие круги, прежде чем решиться встать на правильный путь. К тому же постоянная дорога — не место для беременной дамы на пятом месяце. Им предстояло обустроить быт до хо-

лодов и дождей, чтобы принять дар небес и позаботиться о ребёнке госпожи. По легенде, они — супружеская пара, что сборщики вынудили покинуть город. Цыгаи никогда не задавали вопросов и не отказывались от лишних рук для общины, чтобы уменьшить налог, сумму которого распределяли на всю общину. Приезжие увидели виноградники; висевшие грозди, пожалуй, мельче, чем у туримнцев, и больше подходили на те, что для еды. Но Жанжак был преисполнен уверенности, что неплохое вино можно выжать из любого сорта. Здешний быт напоминал о детстве и юности, где они с отцом растили «Диониса» на зависть всем соседям. Границы обозначали примитивные деревянные заборы, вросшие в землю кривыми, уродливыми палками, на которых паутиной вилась верёвка. Судя по редким «заплаткам», менять их приходилось нечасто. Сама Драома вместе с полями растянулась на добрую даль в сторону Паримарса и на две дали вширь. Цыгаи разбили поселение на большие квадраты, которые разделяли тропы и дорожки. Здешние цыги жили в земляных насыпях, укреплённых брёвнами, будто кроты. Пара сотен домов, каждый из которых вмещал семью из десяти и более обитателей различных рас, вероисповеданий и политических взглядов. Металлические трубы «нор» пробились наружу, уводя по своим «стебелькам» дым от очагов. Окон не было: стекло стоило дорого и использовалось в основном для хранения маг шаров. Да оно бы и не выдерживало постоянного перепада температур, но зато на каждой две-

ри присутствовал крошечный «рыбий глаз» из купленного за бесценок у купцов брака. Драомцы продавали виноград, приправы, которые высоко ценились городскими и придворными поварами, заготавливали сыр и колбасы. Огромным спросом пользовались яйца куро жаров, что добывали цыгаи с мая по июнь. За них платили хорошую сумму, перепродавая деликатес втрое дороже благородным домам и в пять раз — поварам из «Дворца всех королей». По воле госпожи Иззэль они должны обосноваться именно здесь, в купленном заранее доме.

Рекомендательное письмо пары Доминика хранила в сшитом под подолом кармане и просила периодически проверять Жанжака, на месте ли оно. Дама немного смущалась, но доверяла слуге, взятому господином Лэврэлем для внучки. Базальт хорошо разбирался в людях, крайне щепетильно относясь к прислуге и окружению. Попастъ в круг приближённых правителя Терры означало не только наличие привилегий, но и ответственность. Фамилия и имя подходили как нельзя лучше этому властному мужчине. Со временем его нрав немного остыл; карать за провинности стал меньше. Грозный лик правителя держал Хеллсинги и его врагов в тонусе. Шутка ли — демон имел над головой золотой полумесяц; сильнее него мог быть лишь легендарный «Куроки» с чёрной сферой. Прямо сейчас им предстояло найти мейна деревни — миссионерку с Верселуны по имени Эмилия Ротти. Госпожа Иззэль говаривала о крутом нраве женщи-

ны, что управляет «Солнечным краем», поэтому Доминика заметно нервничала. Она плохо сходилась с людьми, и перемены всегда пугали её. Жанжак приговаривал, что всё будет хорошо, и девушка верила этим простым словам, но потом вновь просила заглянуть под подол. До общины беглецы добрались почти к обеду, выбрав центральную, весьма широкую дорогу, что лежала на плодородной земле, через которую в цыге насквозь "пробежали" тропинки, обозначающих территорию каждой семьи. Драома лежала на возвышенности пёстрым лоскутным одеялом; где именно им предстояло занять землю-заплатку, они не знали. Карту, что нарисовала госпожа, Жанжак держал в голове и, сверяясь с одним ему известными приметами, вёл фургон вперёд.

Цыгаи переживали «tempus solis» в землянках, предпочитая работать рано утром или вечером. Сердце девушки замирало от живописных видов: через изгороди иногда проглядывали «норы». Доминика с радостью наблюдала за фруктовыми деревьями, садами с яблоками и картошкой. В селении всего вдоволь, а запах приправ будоражил аппетит. В последний раз они ели рано утром, когда муж нашёл немного грибов и сварил похлёбку. Вместо хлеба путешественники покупали сыр, который беременной девушке порядком поднадоел. Полноценно поесть им удавалось лишь прибившись на ночлег. Отказывать паре, ждущей дитя, никто не смел; там же они покупали провиант, чем радовали хозяев. Слуги держались подальше от городов и таверн, где могли водиться

шпионы и охотники за наградой. Им не верилось, что скитания и «романтика» наконец-то подходят к концу. Иззэль купила дом почти на самой окраине, видимо для того, чтобы быть как можно меньше на виду. Жанжак остановил повозку и спрыгнул на землю; затёкшие ноги отозвались мурашками. Чтобы избавиться от противного ощущения, попрыгал на месте. Доминика смотрела через красную изгородь: их новый дом с проезжей части мешали рассмотреть виноградники. Снятая с ворот доска отвлекла девушку; мужчина осторожно толкнул ставни ворот, которые ничем не отличались от палок, связанных верёвками в заборах новых соседей. Шум открывающихся ворот напоминал несмазанное колесо. «Нору» по-прежнему скрывал виноград; судя по всему, дом прятался за поворотом, в самом центре «заплатки». Разросшийся виноград преградил путь фургону; видать, участок долгое время был предоставлен сам себе.

— Что вы тут делаете? Каких будите?

Жанжак услышал мужской голос, но не увидел усатого человека с топором. Зато Доминика оценила мускулистые плечи, с которых спадали подтяжки, державшие мешковидные шорты; длинные носки до колена упирались в кожаные ботинки. Уроженец Смолеса обогнул фургон и увидел решительно настроенного соседа четырёх армов в высоту. Не так он представлял себе эту встречу, но всё же принялся за разъяснения:

— Мы прибыли занять участок...

Не успел винодел договорить, как был грубо перебит:

— Пришлые проверку проходят у мейн Ротти! — Филипп сплюнул себе под ноги и с вызовом посмотрел на мужчину.

— Филипп, ты осёл?! Глаза расшнуруй! Дама в положении! Поначалу ей нужно прилечь и поесть!

Из-за спины человека, стыдливо опустившего топор с плеча под ноги, вышла невысокая женщина в белом платье и чёрном фартуке, который она поправляла нижней парой рук; в другой же несла плетёную корзину. Доминика кивнула; под соломенной шляпкой скрывалось синее лицо диурдки.

— Всё верно, синьора. Моя жена утомлена поездкой и голодна.

— Филипп, бросай топор и помоги им! Что столбом стоишь?! Помоги им и беги за Ротти!

— Да, дорогая.

Мужчина вышел из-за ворот, и вместе они аккуратно спустили девушку.

— Мы дойдём. Спасибо. Я Луи, а мою жену зовите Маэлис, — сказал Жанжак и протянул руку, которую Филипп сразу же крепко пожал, а после почесал затылок. — Рыжий с золотыми волосами... Значит, они оба «netēs», — отметил про себя назвавшийся чужим именем.

— Я это... для вида, в общем. Вам нужно ковры бросить на пол. Бернадетт вяжет из шёлка. Я принесу.

— У нас нет денег.

— Мы теперь соседи. От подарка Берни лучше не отказы-

ваться, — крепыш отправился за коврами, а супруги, оставив повозку, пошли по тропинке.

— Уберу виноград и подгоню фургон к дому, а ты пока просто осмотришься.

— Хорошо.

Жанжак освободил Жанну и пошёл вперёд, буквально протаптывая дорогу к «норе». Мужчина смотрел на то, во что превратился участок, и думал о том, что работы предстоит непочатый край. Доминика радовалась как ребёнок, смотря на виноград, свисающий с шпалеры. Муж оказался прав: в самом центре расположилась их землянка. Дверь покосилась и под небольшим углом врезалась в проём; пришлось применить всю силу, чтобы отпереть. Внутри ничего не было — сплошь брёвна стен и выструганный пол, который ужасно скрипел. Новые хозяева осматривали внутреннее пространство осторожно, боясь провалиться или повредить доски. Через час пришёл Филипп; мускулистое тело скрывала белая шёлковая рубашка — похоже, по повелению Бернадетт, которая тоже пришла с подносом, на котором принесла пирог из картошки. У новосёлов был лишь стул, на который они и поставили угощение, добавив к нему остатки сыра и вино.

— Виноград идёт плохо, — Филипп решил не юлить, а начать с интересующей его темы.

— Я всю юность выращивал с отцом вино. Здесь займёмся тем же. В городах из-за смерти короля работы нет.

— Нас бы рано или поздно выгнали, ссылаясь на закон,

— добавила Доминика и прикрыла рот платком.

— Ну-ну, милая, не плачь. Ботинок безмозглый! Нашёл что сказать!

Филипп вжал голову в плечи, пытаясь не попасть под испепеляющий взгляд супруги.

— Лучше бы ковры начал класть! У тебя ум в рост ушёл?!

— Я не откажусь от помощи с вещами, — Жанжак кивнул в сторону фургона, и Филипп с облегчением вздохнул, обрадовавшись поводу выйти.

Мужчины вновь запрягли Жанну, но не спешили трогать. Винодел достал спрятанную бутылку и протянул соседу; тот кивнул и, откупорив пробку, пригубил полбутылки.

— А то вино?

— Купленное, — винодел жадными глотками допил содержимое. Беседа заладилась.

— Понятно. Я сапожник, — он хлопнул себя по широкой груди. — Жена делает ковры. Я мало что смыслю в торговле. Жена говорит: чем реже товар, тем дороже цена, — Филиппа прорвало, язык немного заплетался, — Так вот. Такой продукт будет хорошо кормить вас. С нас — ковры и обувь. С вас — бочка. По рукам?!

— По рукам! В знак дружбы, — Жанжак достал ещё одну бутылку, — Этой сорок зимм!

Рыжий крепыш обнял бутылку обеими руками:

— Прибереги её для меня. У Бернадетт... — он указал пальцем в сторону «норы», — нюх на такие вещи.

Винодел кивнул, и они наконец-то тронулись с места. Выгружать особо ничего не пришлось; Филипп пообещал дать инструменты и доски, чтобы собрать мебель и перекроить половицы. Перетаскав ящики, соседи удалились. Вскоре на пороге появилась мейн Драома.

Глава 13 Мейн Эмилия Ротти

Возможно, некоторых женщин не следует приручать. Может быть, им просто нужна свобода, пока они не найдут кого-то такого же необузданного, чтобы убежать с ним

© Кэндис Бушнелл

#Драома

Эмилия постучала и, не дожидаясь ответа, вошла. Приоткрытая дверь выхватывала лишь треть помещения, поэтому жильцы поставили по углам магические люстры в стеклянных кубах. Вещь не из дешёвых, но безопаснее, чем свечи. Бернадетт сказала, что все даромцы ими пользуются, опасаясь пожара. Доминика лежала на ковре, а Жанжак перетаскивал и раскладывал нехитрые пожитки. Войдя, Мейн сняла обувь около специально предназначенного проёма и повесила сумку на крючок.

— Меня зовут Эмилия Ротти. Я мейн Драома. Прибыла с целью внести вас в список жителей.

— Меня зовут Луи, а это моя жена — Маэлис.

Женщина одевалась в соответствии с традициями адептов Рокко: золотистого цвета ряса и подрясник, на голове поверх апостольника — клобук. Поправив съехавшие окуляры

к переносице, Эмилия раскрыла книгу регистрации. Синяя кожа придавала вошедшей моложавости, а синие глаза, хоть и смотрели по-доброму, заставили супружескую пару почувать неладное: что-то в образе миссионерки казалось подозрительным.

— Вот бумаги, — Жанжак протянул купчую и грамоты, подтверждающие их личность.

— Луи и Маэлис Шерро?

— Да, — сказал муж, а жена кивнула.

Эмилия провела рукой по странице; из книги вылетело перо и ровным почерком вписало имена и номер дома.

— Ничего не хотите поведать? — мейн сняла окуляры и вопросительно подняла бровь. Пара переглянулась.

— Испугались? — Эмилия вернула окуляры на миленький носик и улыбнулась.

— Тентадорас? — шепотом спросила Доминика.

— Я, может, верую, — она кокетливо рассмеялась. — Разве не прелесть? Я слишком люблю мужиков, чтобы надевать подобные кандалы.

— Госпожа Иззэль выбрала Драому. Она продумала всё до мелочей, — Доминика заплакала. — Госпожа Иззэль позаботилась о нас. Моя бедная госпожа Иззэль...

Доминика не заметила, как потеряла сознание. Жанжак сбегал за водой, чтобы сделать компресс на голову.

— У неё жар. Похоже на солнечный удар или переутомление. Это нехорошо, — сказала Эмилия, осмотрев Маэлис.

— Делай то, что говорю, не задумываясь. Похоже, у нас нет другого выбора...

Миссионерка встала и подошла к двери, провела рукой по притолоке, где появилась чёрная занавеска: теперь их никто не мог увидеть или подслушать.

Эмилия, подойдя к Жанжаку, прошептала:

— *Immergiti nella passione. Dimentica la realtà ed entra in me dandomi forza...*

— Что происходит?!

— Ты необычный «netēs». Вот почему владыка выбрал вас. Моя магия сильна... Может, ты вправду влюблён, но как тебе такое?

Тентадорас прижала книгу к груди и щёлкнула пальцами: одежда вспыхнула, разлетевшись сладким пеплом. Жанжака качнуло, запах полевых цветов и древесных ноток ударил в разум, затмевая рассудок.

— Врать нехорошо, Луи. Я должна была знать о фамильяре в твоём кармане. Его хозяйке грозит что-то нехорошее. Иззэль привязала питомца к ребёнку. Умрёт хозяйка — умрёт питомец — умрёт она. Ты этого желаешь, Луи?! Мне нужна энергия, чтобы помочь фамильяру выжить независимо от Иззэль, а для этого придётся отдаться мне полностью...

Эмилия улыбнулась, положив книгу и окуляры на пол. Мейн освободила тело от сдерживающей магии. Жанжак восторженно смотрел на изгибы талии, бёдер, не отводя взгляд от большой груди с чёрными звёздочками. Фиолето-

вые глаза и волосы «shi» притягивали каким-то животным магнетизмом. О любви тентадорас мужчина знал лишь понаслышке и байках. Отец говорил, что столь красивые создания сами решают, кого соблазнять. Они не признают любви, а лишь подчинение «ошейнику»: так они могут питать себя магической силой, не заботясь о рабе. Несмотря на это, мужчины готовы целиком отдать себя холодным девам ночи. Жанжак провёл рукой по шее, убедившись, что способен управлять собой.

— Я согласен надеть «ошейник». Делай, что нужно... Я не могу её потерять...

Фиолетово-чёрная фигура приблизилась к нему вплотную:

— На колени, Луи Шерро!

— Я Жанжак Габбро, моя госпожа, — сказал мужчина и послушно выполнил приказ.

Тентадорас положила ладони ему на щёки, а затем вцепилась в волосы:

— Ошейник ослабит волю, а я хочу испытать то, что вы зовёте любовью... Я могу быть кем ты захочешь... Я могу стать ей...

Эмилия снова щёлкнула пальцами, и кожу покрыло фиолетовое пламя.

— Стань собой... То, что случится... будет между нами. Ты ведь хочешь любви, а не её жалкой тени?

Тентадорас кивнула; по её щеке покатила обычная сле-

за. Ей пришлось снова использовать магию — на сей раз для отмены заклинания.

— Будем грешить, не теряя самих себя... — Жанжак выпрямился в полный рост и вытер почти скатившуюся до дрожащих губ горькую капельку. — Пообещай, что это мы должны запомнить и забыть — оба.

Никогда ещё мужские руки не ласкали так, как делал он. Мысли Эмилии уносила страсть; мейн не могла противиться нахлынувшей нежности. Жанжак ласкал чёрные звёзды кончиками пальцев, нежно касаясь мурашек на них языком. Она запустила ладони под его одежду: горячее тело обжигало. Боясь спугнуть счастье, тентадорас дождалась возможности стянуть одежду и бросить её на ковёр. Магические люстры поменяли свечение с белого на ярко-красное. Эмилия чувствовала силу, повисшую в воздухе, когда «раб» прижал её к полу. Госпожа почувствовала приятное возбуждение от его действий. Это было не похоже на то, что ей доводилось испытывать раньше. Словно она пила вино вместо воды, отдавалась не жалкому ручейку, а быстрой реке с широкими берегами. Четыре рога наполнялись фиолетовой энергией, а она сама — жизнью. Поток уносил далеко отсюда; сама того не замечая, вцепилась когтями в спину, оставив глубокие порезы, которые могли породить множество вопросов у Маэлис.

— Думаю, достаточно... Я переполнена тобой... Ты сделал меня «Go»... Спасибо тебе за любовь... С Маэлис всё хорошо. Даю слово, что позабочусь о ребёнке госпожи Из-

ЗЭЛЬ.

— Но пока можешь просто полежать на моей груди...

Эмилия уткнулась носом в колыхающуюся грудь. Прежний облик постепенно возвращался, закрывая одеждой адепта Рокко, но вот её душа рядом с ним, продолжала быть голой.

Глава

14

Сто дорог одного пути

«До свидания» звучит нежной грустью и надеждой. «Прощай» — коротко и безвозвратно; в этом слове слышен лязг зубов, достаточно острых, чтобы перекусить тонкую связку между прошлым и будущим

© Джон Стейнбек, «Зима тревоги нашей»

#Драома

«Нора» Грейфорстер отличалась от других уютом и изяществом. Дети не тащили в дом всякий хлам — всё стояло в соответствии с заданной женщиной гармонией: в погребе — бочки с грибами, картофелем, ягодами и соленьями; в самой комнате — две двухъярусные кровати, огороженные от дивана родителей толстой занавеской, стол из орешника, очаг ирори, возле которого — медный котелок и посуда. Три дочери «диурдки» унаследовали бирюзу во взгляде и синие локонь, в то время как руны легли на бледную кожу отца. Орели, названная в честь королевы, была старше Пьера на десять зимм, близняшки Каролина и Стелла — ровесницы. Младшие помогали матери по дому и собирали хлопок, а старшая

осваивала ремесло отца — причём не только обувное, но и военное дело. Из-за чего парни Драома её откровенно побаивались, а девушки сторонились. Хозяйка отправила младших с отцом собирать орежэ и хворост на зиму, а сама заваривала чай из земляники и решила немного посидеть у очага, чтобы перевести дух. Но в дверь постучали знакомой дробью. Парень разулся и вошёл. Хозяйка пригласила к столу, угостив остатками завтрака:

— Тётя Берни! Тётя Берни! Мы едем в Спаргу!

— Ох, милый... — «netēs» была расстроена подобной новостью, но старалась не подавать виду. Не любила, когда кто-то из её «детей» покидал «солнечный рай», как старшие сыновья, ушедшие в Паримарс на заработки.

Парень разулся и вошёл. Хозяйка пригласила к столу, угостив остатками завтрака.

— Как только папа вернётся от тёти Эмили... — Пьер уминал драники за обе щёки и выглядел крайне счастливым. — Не переживай, тётя Бернадетт. Я вернусь с подарками. Дяде Филиппу купим кожу и новые инструменты. Тебе красивое платье. Платье я сам куплю. Папа не понимает в моде.

— Хорошо, милый... — женщина потрепала мальчугана по голове. — Добавки?

— Спасибо, тётя Берни.

— Купи красное, мой милый. Не мне — они мне без надобности. Подари платье Орели.

— Самое красивое красное платье, тётя Бернадетт! —

Пьер развёл руки в сторону, демонстрируя размах покупки.
— Я куплю ей самое красивое красное платье!

— Дарёному окане на приправу не смотрят, — хихикнула хозяйка и лукаво улыбнулась, обернувшись в сторону завешенного от лишних взоров дивана.

— А Каролина и Стелла не обидятся?

— Им ещё не пришла пора платья носить.

— Дядя Филипп обещал научить делать красивые туфли.

— Научит, мой милый. Будешь лучше него шить!

— Спасибо, тётя Берни!

— Тётя Бернадетт, а три тысячи окане много? Я в первый раз поеду на рынок.

— Папа подарил кристалл-окане на день рождения?

— Да, но я не знаю, как им пользоваться... — пожал плечами Пьер.

— Скажи «окане». Если хватает «единиц» — он загорится «синим»; тогда говори «diru» — кристалл мигнёт зелёным. Если денег больше нет — красным, иначе фиолетовым.

— Чуть не забыла! Орели сделала тебе подарок, но не смогла вручить. Держи браслет. Они его вместе с Филиппом зачаровали, но основную работу сделала наша королева.

— Чёрная кожа! Тётя Бернадетт, да она же жуть какая дорогая! — глаза Пьера загорелись от счастья. — Её не каждый может обработать! А здесь застёжки есть и место для кристалла!

— Первое изобретение Орели. Сам знаешь, какая она у

нас умница.

— Да, тётя Берни!

— Передай папе... — «netēs» вынула из-за пазухи сложенный в три раза лист жёлтой бумаги и, взяв карандаш, записала в строчку цифры и буквы.

— Что это?

— Размеры, милый, что же ещё. Ну, и кое-какой список покупок. Главное — торгуйся. Варги это любят. Помнишь, чему я тебя учила?

— Да, тётя Берни. Начинать продавать нужно с завышенной цены, чтобы потом согласиться на задуманную.

— У тебя получится, милый. Твой папа профан в торговле. Мне пришлось пару раз с ним скататься в этой ужасной повозке.

— Она хорошая, тётя Берни. Мне нравится путешествовать в ней.

— Главное — возвращайся, милый, а не то Орели с ума сойдёт. И даже не вздумай на «белых» девчушек засматриваться!

— Что вы, тётя Бернадетт...

— Смотри у меня! Ни одного пирога в дорогу не получишь. Будешь папиной похлёбкой давиться. Или тем, что Эмилия сготовила.

От последних слов мальчишку передёрнуло:

— Что вы, тётя Берни! Как я могу! У вас самые вкусные пироги!

— То-то, милый. То-то! Даже не вздумай мою девочку обидеть... — хозяйка достала обёрнутый тканью пирог. — Держи. Это Каролина со Стелой испекли.

— Тётя Бернадетт, спасибо им от нас передайте.

— А за подарок? — женщина нахмурила брови и упёрлась четырьмя руками в бока.

— Спасибо, Орели! — сказал Пьер нарочно громко, подозревая, что старшая дочь тоже в норе. — Я скоро вернусь! Обещаю!

Орели улыбалась; по красным щекам побежали ручейки слёз. Двадцать зимм назад они вместе с мамой помогали маме Пьера по хозяйству. Следила за ним во время похорон Маэлис. Лишившись матери тёмноволосый мальчуган ходил за ней по пятам, не обращая внимания на её вспыльчивый характер, а лишь всегда улыбался. Она даже сама не знала, что за новая буря поселилась у неё в сердце. Они вместе учились фехтовать, ходили за хворостом, пока Луи занимался виноградом. Но месяц назад, когда вышли из леса и сели отдохнуть, он вдруг повернулся и поцеловал Орели в щёку. Девушка коснулась губ, вспомнив об этом. Что за терр! Орели не смогла разозлиться и ударить; вместо этого глупо улыбнулась, когда Пьер взял «нетис» за руку. Так они и сидели, пока солнце катилось вниз. Старшая дочь Грейфорстер жалела о том, что так и не решилась положить голову ему на плечо. Придя домой, ей не захотелось есть, а болтовня сестёр входила в одно ухо только для того, чтобы выйти в дру-

гое. Сердце девушки наполнилось тревогой; та чувствовала, что дорога не будет простой, но надеялась, что их пути вновь пересекутся. Орели ведь так и не ответила на его «я люблю тебя...» Трусиха... почему ей так страшно?! Чего боится?!

Гость поблагодарил за гостеприимство, взял пирог, попрощался и вышел. Едва дверь закрылась, как следом выбежала прятавшаяся за занавеской «королева» и кинулась вслед. Юноша не успел ступить и десяти шагов, как его догнала босоногая девушка в белой тунике, положила ладони на плечи и ткнулась лбом в спину.

— Возвращайся ко мне! Возвращайся за мной! Возвращайся в любом случае... — протараторила Орели. — Возвращайся поскорей!

— Я вернусь... обещаю... вернусь несмотря ни на что.

Пьер обернулся, чтобы посмотреть убегающей вслед... Когда сын вернулся домой, отец уже подготовил бочки. Вместе они быстро погрузили товар и отправились в Спаргу. Луи не мог не заметить растерянности Пьера, но предпочитал дожидаться, пока тот сам поведает, что у него на душе.

— Пошла, родная. Пошла, моя умница...

Колёса катили не скрипя — знать, отец заранее всё подготовил, не дождавшись возвращения сына, что изредка кивал и вёл себя подозрительно тихо. Гектор почуял плохое настроение хозяина и принялся бегать вокруг шеи, вызывая щекотку.

— Спасибо, Геки.

— Перекусим, пока горячее? — предложил отец. Сын кивнул.

Они смотрели на звёзды, а потом юноша забрался в фургон, укрывшись старым пледом из шерсти варгалюда. Бурая кляча слегка поднимала пыль, которую в ночи было не углядеть. Лёгкая тряска не отвлекала от выбранного занятия; фургон медленно катил по просёлочной дороге. Пьер заворожённо смотрел на полумесяц, что мерещился задранном вверх кошачьим хвостом, а иногда напоминал хитро щурящийся жёлтый глаз.

Глава 15 Луи и Пьер

И вечно солнце прокладывает свой путь от горизонта до горизонта, и вечно луна следует за ним, и вечно дни следуют за днями, не заботясь о жизнях, которые они стирают в прах одну за другой

© Кристофер Паолини

Где-то вдалеке летел дирижабль с белым флагом, собирающий воздушные шары с почтой при помощи магии притяжения. Пьер заворожённо смотрел на полумесяц, что мерещился задранным вверх кошачьим хвостом, а иногда напоминал хитро щурящийся жёлтый глаз. Россыпь звёзд завораживала. Смуглый, тёмноволосый мужчина с пышными усами и сединой на висках, с виду больше напоминавший горца, держал поводья в сторону Аль-Спарга-Луна — оплот воинственных варгов, которых нанимали на роль убийц и телохранителей, поскольку «змееносцы», носимые ими на запястьях, делали магию против них практически бессильной, а оружием те управлялись ловчее всех на свете. Никто из них не страшился смерти и не попадал в плен: выдернув золотое кольцо из пасти змеи на браслете, они сгорали дотла в столбе пламени, забирая врагов с собой. По преданиям народа пустоши, кости могли стать неупокоенным духом мечника, а

лишение головы — закрытием «звёздных врат» себе и своим потомкам, куда стремились попасть варги, что, несмотря на все запреты и наказания, втайне почитали гидру, а не Рокку — богиню луны. Согласно одной из легенд, великая синяя гидра Хаосса родилась именно на родине варгов — бесплодной пустыне Ато-т-Суп. Возможно, именно этим и объяснялся воинственный нрав кочевников. Идти наперекор тем, кто скрывал лица от солнца и чужих взглядов под куфией, — никто не хотел.

Эта дорога считалась самой безопасной: подойти к цитадели кочевников с игловидными башнями без веских на то причин, чтобы попасться конным отрядам, неустанно патрулирующим окрестности днём и ночью, — участь незавидная. Мало кто рискнёт в здравом уме на такую прогулку. Страх перед варгами расползся по всему острову голубой «S-видной» гадюкой их знамени. Другие расы Фулмуна вынуждены считаться с такой грозной силой и брать спарганцев в качестве стражи, чтобы спокойно вести дела, либо воевать — как это делали демоны и тентадоры.

Луи каждый зимм менял города, чтобы увеличить число желающих купить вино с их земель. Последние три раза виноделу приходилось брать сына с собой. Цыгаи любили озорного весельчака, но предоставить мальчика самому себе, пусть даже и на пару дней, отец не мог. Да и потом — пора этому мечтателю, что вечно ищет в мелочах счастье и покой, вникать в ремесло и помогать с растущим спросом на то-

вар. Им приходилось зарабатывать больше, чем горожанам «большой девятки», поскольку без денег варги перестали бы даровать им своё покровительство. Впрочем, такая участь касалась не только вольных, бежавших из городов, но и тех, кого прогнали согласно глупому закону о «золотом числе населения».

Днём путь занял бы меньше времени, но без туч августовское солнце обессилит любое, даже самое выносливое животное, а тем более с такой поклажей, как у них. Несмотря на это, к утру виноделы будут среди шатров и палаток — на базаре Аль-Спарга-Луна. Земля в объятиях ночи успела остыть. Луи грелся теплом лампы, что висела над ним благодаря кольцу на переднем металлическом пруте и создавала на земле «лунную собачку». Заднее колесо угодило в яму, и путешественников ощутимо потрянуло. Белый геккон с чёрными, как у тига, полосками по бокам вылез из-под капюшона мантии и попробовал раздвоённым языком прохладный воздух на вкус, на что отрок лишь посмеялся:

— Спи, Геки. Спи. Не прикатали.

Жёлто-серые глазища ящера не нашли ничего примечательного вокруг, а посему питомец собрался последовать совету хозяина и хорошенько выспаться, держась за шею сильными лапками-липучками. Маленькая белая рептилия лизнула щёку шершавым языком и заползла обратно за воротник мешковатого балахона, перетянутого верёвочным поясом. Пьер потянул правую руку вверх, мысленно силясь до-

тянуться до небесных «колючек». В полнолуние тёмно-синяя ткань со звёздами вокруг толстого полумесяца напоминала флаг острова. Восемь «звёзд» превратились во враждующие за власть над Каменлуном метрополисы, получавшие помощь со своих сопредельных территорий. Последнее, что их хоть как-то объединяло, — это совет восьми лордов для решения общих проблем. Самый близкий к ним город слева граничил с Паримарсом, а справа — с Токиото и гордо именовался Мунхолл Гростом. Луи учил сына по тени от солнца определять время и направление. Поначалу данная задача представлялась террски сложной. Самое простое заключалось в рисовании «блина» и втыкания в центр его прута. Конечно, Пьер со временем научился определять четыре основных направления навигации относительно движения солнца по небосводу на земле, искренне считая, что этих знаний более чем достаточно. Он не мог взять в толк, каким образом отец видел путь, просто глядя ввысь. К чему такие сложности, когда есть «часовой компас»?!

Однако тот вскоре понял, чем вызвано беспокойство, а посему перенял науку, раз и навсегда усвоив, что курс определяется не только сторонами света, но и «часами». Например: восемь или ноль — «Северус» — Хеллсинги, час — Паримарс, два — «Вост» — Мунхолл Грост, три — Токиото, четыре — «Югга» — Туримагор, пять — Верселуна, шесть — «Заррад» — Сноутадж, семь — Аль-Спарга-Луна, куда они сейчас и направились из Драома.

Если быть до конца откровенным, то это дурацкое название даже для такой мелкой деревушки цыгаев, окружённой одними лишь виноградниками, которыми, кстати говоря, местные очень гордились. Юноше же название никогда не нравилось. Оно вызывало ассоциацию с дремой, хоть на языке югга означало «Солнечный край». Но всё же, несмотря на запрет отца, Пьер любил смотреть на имеющийся у него «часовой компас». Подобное можно сыскать лишь в Мунхолл Гросте и Токиото. Эльфинны и йотти славились своими изобретениями и передовыми технологиями. За такой редкий артефакт могли и шею свернуть. Страшно представить, сколько за неё выручат разбойники или торговцы краденым на чёрном рынке Аль-Спарга-Луна. Диковинная вещь при нажатии на стекло сбрасывала время и начинала показывать красной стрелкой название близлежащего поселения или города, а синей — плюс-минус точное расстояние до него. Луи так же учился использовать приметы в виде мха, муравейников и количества веток у деревьев.

Юноша созерцал светила, лёжа между двумя рядами бочек. Вино, которое ему вверили, отныне предоставлялось само себе. Пьер улыбался уголками губ, ища знакомые звёзды и созвездия: выше всех парил дракон — большая «грядда», похожая на скопы скал; феникс — самая яркая точка небосвода, всегда указывающая на северус; «квадратный» грифон; прямоугольный «треугольник» алконоста; ромб, что обозначал морду быка; а вот голова льва, от которой отходи-

ли четыре «линии»; василиск — самая крупная звезда, что указывала строго на юг; и наконец «полудуга» вампала.

— Пап...

Засыпая от мерного хода, Луи не сразу отреагировал на своё имя:

— Не спишь? Как там наши бочки?

— Пап, да что с них проку?! Они вон... рядом содер-
жимым булькают... как толстые хряки... надоели до одури.
Уснуть мешают...

— Хряки?! — усмехнулся отец. — Хряки?! Да, один та-
кой «поросёнок» кормит нас больше двух месяцев!

— Пап, я не про то. Расскажи лучше про Каменлун —
город Рокко и Ярче.

— Наслушался сказок... Двадцать зимм не ступал на «Бе-
лую набережную», не поднимался вверх по ступенькам... Не
хаживал под аркой с гербом Мунхолл Гроста... — Луи по-
чесал затылок. — В Каменлун со всех сторон впились ис-
кусственно вырытые каналы. Сам-то он на горе стоит. Не
зря ж это место Марс Мудрый облюбывал. Диурды хорошо
чувствуют потоки магии. Центр острова пересекает множе-
ство энергетических линий, идущих параллельно восьми ка-
налам.

— Пап, правда, что «набережная» огромна?

— Занимает четверть города... не меньше. Может, и
треть. Но это не мешало капитанам и морякам то и де-
ло драться за право пришвартоваться первыми в гавани.

«Parvus», «Medius», «Grandis» и даже «Colosseus»! Сновали взад-вперёд даже по ночам. Королевский маяк — вот символ и гордость Фулмунского острова. Благодаря нему Архимагус, что вечно сидит в библиотеке, «видит» каждый канал на многие дали вперёд. А самое чудное, что у маяка нет ни опоры, ни башни. Он просто огромный парящий шар над «таинственным садом» внутри королевского дворца. Он подобен солнцу. Его можно видеть и за пределами острова, но лишь при здравствующем короле. Без него Архимагус ограничен в силе и годен разве что на поддержание "таинственного сада".

— Во сколько раз маяк ярче нашей лампы? — от слов отца у юноши загорелись глаза фиолетовым цветом. Луи хорошо помнил фиолетовый блеск; мужчина вновь невольно пережил болезненные воспоминания, рапирой кольнувшее сердце.

— Наша лампа — свет для нас. Другим же она капля в море. Маяк же — надежда для всех нас. Короля не нужно видеть, чтобы знать, что он хранит подданных. Вера горами движет.

— Я никогда не видел маяка... Потому корабли никуда не плывут?

— После смерти короля он скрылся... Совет «восьми лордов» принял решение запереть полумесяцами, что висят на близлежащих мостах, входы в гавань столицы. Архимаг выполнил приказ, и светила стали разрезать пополам золотыми лучами кораблей, плывущие в Каменлун, дабы избежать

появления короля с других земель. Тот, кто восседает в лунном дворце, — правит всеми мифическими созданиями сада с помощью «оракула», а значит, способен победить любое войско на свете. Даже фамусы в союзе с фамильярами не смогут встать на пути чудовищ. Восемь городов последовало дурному примеру. От единства не осталось и следа. Внутренние порты закрылись. Попасть на остров извне возможно лишь на транспортном дирижабле по разрешению одного из совета «девяти» или особой грамоте, выданной наместником, что засел в Каменлуне в отсутствие короля. Однако закон не касается торговцев. Каждую неделю благородные дома с помощью синих дирижаблей отвозят купленные на аукционе еду и товар. Каменлун в ответ платит им синими магшарами. — «Обеденный стол»?

— Верно. Но большое зло — это война и экономическая блокада Хеллсинги, что также остался без наследника. Убийства и голод ничем нельзя оправдать.

— Пап. Разве война не начинается без причины? Почему все твердят, что демоны сгубили короля и королеву?!

— Вот где несусветная чушь! Многим нужен секрет, как демоны создали «таинственный сад». Страшно даже помыслить, что будет, если их знания попадут в дурные руки! Всем нужен повод, чтобы оправдать кровь. Сейчас все считают, что двуликий бог Терр греховный, а когда-то все фулмунцы жили свободно и возносили молитвы согласно вере. Лишь при короле эллис, йотти и горцы стали поклоняться Ярче —

богу солнца, а варги, эльтеррцы и диурды — Рокку, богине Луны. Люди же выбрали обоих. Запомни, сынок: никогда не суди людей по цвету кожи и вере. Те, что так поступают, — глупцы, ищущие выгоды. Страх — вот нынешний правитель острова.

— Выходит, все... даже каменлунцы боятся демонов?

— В Каменлуне полным-полно магических зверей, но без короля «таинственный сад» — просто красивая лужайка. Такая же, как королевский сад. «Свет лун» — надёжный двусторонний щит. Набережную столицы ничего не защищает, а стены внутри даже ниже наших заборов. Страх, что города объединятся вместе с одним из «домов», — затмевает разум наместника Томмозо. Восемь лордов до сей поры дерутся за власть. Каждый спит и видит себя королём Фулмунского острова.

— Почему в таком случае не изберут нового короля из числа правящих лордов?

— Нужен претендент на трон с подобающим фамильяром. Желательно из благородного дома Фулмуна или с земель, им принадлежащих.

— С подобающим фамильяром?!

— Дракон, феникс, грифон, алконост, единорог, лев, василиск или же свирепый вампал. Эти восемь существ не зря на стягах благородных домов. Но призвать мифа мало. Вол-

шебный дух должен быть королевским, не иначе.

— Королевским?! Такие разве бывают?!

— Существуют. Хотя пересечься хоть с одним из них — сродни большой удаче. Королевский Дракон повелевает всем племенем драконов.

— Королевский Грифон повелевает грифонами?

— Верно. Королевский Вампал сдюжит с драконом. Король хранит силу рода и вверенных ему подданных бережёт.

— А если призвал дракона, а он обычный?

— Предстоит поединок с нынешним королём драконов в подвластных ему владениях. За право владеть «короной».

— Но, пап... Ведь драконы — прислужники демонов? Почему они главнее прочих существ?!

— Демоны. Они первая раса... Именно драконы даровали им «золотые» и «серебряные» яблоки, коими те поделились с остальными, дабы те в свой черёд пробудили фамильяров. Вместе они сдюжили и отобрали «шар истины» у гидры Хаосса. А потом восемь мифов...

— Спрятали шар в «таинственном саду»? Но это же глупая сказка?

— Кто знает. Гидра сильна, хоть и уступила дракону. Сила зависит от многих факторов. Твой Гектор из змеиного племени, но связан с драконами. Что произошло на самом деле, ведомо только книгам, что в Каменлуне и Хеллсинги хранятся. Пьер, то, о чём мы ведём беседу, — это страшная тайна за семью печатями. За такое могут и осудить, а то и сразу на костёр отправить. Посему прошу подумать хорошенько, прежде чем сделать Гектора фамильяром. Все произошли от демонов. Красная кровь у людей от них, но они предпочли забыть о том. Суеверные люди могут принять ящера за исчадие терры, а тебя — за демона из Хеллсинги или Террариума. Пускай, никто не видел уже целую сотню зимм вблизи красных гор запретных обрядов...

— А право меча? — юноша оставил предостережения отца без внимания, как и другие неинтересные ему вещи.

— Ты про меч в камне?! Никто не исхитрился вынуть оный. Конечно, всякое болтают. Мол, меч с камнем — одно целое. Кусок одной глыбы. Якобы первый король сыграл злую шутку с алчными потомками. Так же болтают, что меч — искусная скульптура демона.

— Мне приснилось... что королём выбрали поймавшего поросёнка на празднике. Пап, это была бы самая весёлая охота! Все бегают, а ловлю его я!

— Охота на поросёнка в день урожая?! Хех... Ты бы дал местным лежебокам и богатеям фору!

Пьер улыбнулся и задумчиво погладил бакенбарды, но ничего не добавил. Сон напомнил ему о «Королевской битве» или «Sikojen peli», где все претенденты запускались на арену, дабы выявить сильнейшего, поскольку в схватке выживал лишь один. Разрешалось брать оружие или оруженосца. Старой традиции не прибегали триста зимм. Совет лордов не пошёл бы на такой риск, но чем дольше правил наместник, тем больше возникало споров за обширные луга и леса острова, что считались королевской собственностью. Влияние лорда ограничивалось городом, где тот восседал на правах вассала. Всё чаще соседи искали поводы обезоружить мосты. Во времена хрупкого мира простые граждане вспоминали героев прошлого.

Мальчишка любил слушать истории отца, поскольку был любознателен, как и все в его возрасте. Он по крупицам собирал знания о том, что его интересовало. Со временем, желая отправиться в путешествие по миру, Пьера жгло лю-

бопытство. Ему хотелось заглянуть в жерло вулкана Терры, прокатиться на варглюде по пустыне Ато-т-Суп, пройтись по уютным городам Террейна и Йорка, полюбоваться природой и лесами Эльфы, Диурда и Аворда. Посмотреть, как на Ароге добывают кристаллы и руду. Одним словом, понять, откуда пришли народы на остров. Луи хотелось узнать, как изменились расы, живя вместе, и верна ли старая легенда о битве народов с гидрой. Правда, что люди сражались рука об руку с диурдами, варгами, демонами, горцами и йотти? Неужто тёмные и эльфинны позабыли о вражде в ту пору? Но сначала рыжему непоседе хотелось ступить в портовые города, поплыть по каналам, что связывали тех со столицей.

Не стоит и говорить о том, что за короткую жизнь ему довелось лишь мельком поглазеть на один мост из двадцати, державших подобно стяжке канал между городами Фулмуна. Луи не особо хорошо ладил с картами, но всё же нацарапал палкой на земле «большой пирог с равными кусками»:

— Смотри... — картограф-винодел достал чертёж острова, нарисованный им от руки. — Это Каменлун, а вот восемь лучей от него — каналы.

— Похоже на колесо, — пожав плечами, сказал Пьер.

— Каждый канал назван в честь города, с которым связан,

— не отвлекаясь на замечание, продолжил объяснять Луи.

Лошадь остановилась, недовольно фыркая и раздувая ноздри, выпускала пар. Почувствовав чужое присутствие, животное начало бить копытами и трести гривой, несколько раз порываясь встать на дыбы.

— Тихо! Тихо! Жанна, успокойся! Тихо! Терр, тебя дери!
— голос хозяина успокоил бурую кобылицу, но та всё равно наострила уши. — Пьер, зажмурься!

Сын с закрытыми глазами подполз к отцу и обхватил того сзади. Луи дотянулся до фонаря и открыл створку. Оттуда сразу же вылетел фамилльяр-светлячок.

— «Phoenix, blaze»!

Горящий огонь стал распространяться вокруг фургона. Назарет посылал свет огненными волнами. Пьер не мог видеть, как горящие искры становились крошечными кометами. Пускай их хвосты не достигали и пол-арма, но они могли насквозь прожечь человека без хорошего металлического щита и магической защиты. Казалось, фамилльяру жар нипочём: насекомое раздулось и стало напоминать заготовку на наковальне. Освещённая светлячком ночь выдала силуэты двадцати всадников на холме. Лошади норовили повернуть

вспять, но, судя по всему, амулеты на уздечках не давали им сделать подобную вольность. Расстояние между ними позволяло услышать сказанное без особого труда:

— Это они... — перешептывались голоса. — Это точно они...

Глава 16 Ночные всадники

Не нужно думать, что рыцарями рождаются. Рыцарство — удел бедняков. Знати благородные заветы нипочём, их дело — мода

© Гилберт Кийт Честертон, «Происшествие в Боэн Биконе»

Небольшой конный отряд развернул клин в направлении фургона, оставив позади одну высокую, неподвижную фигуру на чёрном скакуне варговской породы. Луи не сомневался, что неизвестные собрались по их души. Мужчина прекрасно понимал их намерения. Преимущество возвышенности позволило всадникам быстро пойти в атаку, мчась галопом с холма, а затем взять путников в плотное кольцо, отрезав тем самым возможные пути отхода. Фигуры кочевников скрывал тёмный парис, а лица — зеркальные маски токай. Слишком мудрёная и дорогая экипировка для разбойников. О свойствах одежды Луи частично догадывался: грубая ткань защищала от взоров и придавала незаметность, а вот зачем таким способом закрывать лица?! Нагретый воздух оседал снопом искр — знак того, что фамильяр достиг пика. Полумагус понимал, что Назарет, накаливший добела своё брюшко, больше не в силах им помочь. Остановив ата-

ку, сокол с четырьмя крыльями спикировал куда-то позади толпы фигур и уселся обратно на широкое плечо хозяина.

— Сильная магия — слабый фамильяр. Он верно не твой, хоть и служит тебе, — надменно произнёс человек с акцентом севера.

— Как вы нас сыскали, терр вас дери?! — винодел старался говорить твёрдо, ладонь нащупала рукоять меча. — Что вам от нас надобно?! Езжайте мимо по добру...

— Ты так толком и не избавился от акцента! — оскалился чей-то неприятный голос. Винодел сразу заприметил командира варгов, что носил вышитый золотой нитью бишт поверх париса. — Ты уже успел позабыть нас?! А?! Служка?!

— Ты дурак, Жанжак. Раз подумал, что я не разыщу тебя. Ты не пускал в ход оставленное «кольцо-окане» с кристаллом, но фамильяр моей сестры — собственность семьи Базальт. Прошло двадцать зимм. Настал черёд старого обычая. И семье Базальт нужен претендент на трон.

— Время нового короля. Даже совет лордов бессилен против закона. Мы пришли за ним, — вновь вмешался второй, которого, похоже, пустая беседа без каких-либо действий утомляла. — Не смей мешать нам, служка! Клинок марать не охота. Старая кровь тупит саблю, а твоя ещё и ржавчиной пропиталась!

— Как бы не так, господа хорошие. Моя госпожа... уже сделала такую глупость... доверившись вам.

— Ты смеешь утверждать, что среди нас тот... — «се-

верз» обернулся. — Кто предал твою госпожу?! Это мой племянник! Не забывай своё место, пыль... — сквозь зубы прошипел глава отряда.

Толпа варгов расхохоталась. Лишь один всадник не проявлял никаких эмоций: его фамильяр чистил клювом крылья — атака светлячка всё же доставила ему неприятностей, пришлось вырывать сгоревшие перья.

— Меня зовут Жанжак! Жанжак Габбаро! Я не веду дел с предателями! И никогда не обнажаю свой меч, если не в силах напоить сталь кровью...

Геккон забрался под мантию, где юноша хранил «часовой компас». Гектор обхватил его лапами и принялся быстро тереть, пока стрелки не стали указывать на Каменлун. Пьер лежал, боясь лишний раз шелохнуться. Прятавшийся не обратил внимание на странное поведение питомца, пока не увидел сиреневое свечение, похожее на дымку тумана.

— Что ты делаешь?! Нас заметят...

Но ящер не прекратил, а начал растирать ещё усерднее. Расстояние стало стремительно уменьшаться, а когда достигло нуля...

— Да что же ты делаешь?! — вопрос повис без ответа...

— Где он, терр побери?! Куда делся?! — один из варгов заглянул внутрь кибитки.

Жанжак обернулся. В фургоне стояли бочки, но меж них никого:

— Слава Рокку и Ярче... Господа, извольте хлопнуть вин-

да с горя? Старым знакомым сделаю скидку, — мужчина громко загоготал, заставив всадников сорваться с места и проверить бочки. Пьера не оказалось и под телегой — низкая трава также не смогла бы его скрыть.

— Говори, где он, Жанжак! — северэ поправил маску, ненадолго обнажив тонкие черты лица. Красные глаза демона смотрели без всякой жалости, волосы под покровительством полмесяца горели ярче лавы, скрывая обломки рогов. — Иначе... ты крепко пожалеешь, что появился на свет. Я доверю тебя эльтерр. Они, как никто другие, знают толк в дознании!

Глава 17 Былое

Прошлое — родина души человека. Иногда нами овладевает тоска по чувствам, которые мы некогда испытывали. Даже тоска по былой скорби

© Генрих Гейне

#Каменлун, башня архимагуса

Пьер оказался в башне. На выгнутых под стены стеллажах лежали аккуратно сложенные стопки книг и свитков. Его внимание привлекла огромная пирамидовидная люстра, висящая практически под куполом. Искусственное светило собрало под самым сводом пять дюжин свечей, что помогали паре весёлых глаз янтарного цвета как следует рассмотреть гостя. Пьер продолжал гадать: кто перед ним? Надетая рубашка с короткими рукавами выдавала высокий статус незнакомца, поскольку одеяние из льна не скрывало рук, украшенных браслетами и кольцами-окане. Диадема на голове почти терялась в золотых волосах мальчишки, что сидел в кресле напротив небольшого круглого стола. Люстра бесцеремонно подсвечивала бледное лицо с острыми скулами, лишая кабинет места, где хоть как-то могла прятаться тень под давлением магического огня. Кто он? Сколько ему

зимм? Но ещё больше перемещённый с помощью «часового компаса» хотел узнать: что же послужило причиной такой аудиенции? Благородные способны одурачивать внешностью и скрыть подлинный возраст. В том, что перед ним сильнейший магус острова — он уже практически не сомневался. «Каменлун/ноль»? Артефакт спятил?

— Рад нашей встрече, ваша милость, — хозяин поклонился, прижав правую руку к сердцу, а левой отвесил поклон.

Пьер округлил глаза. От того места, где они расстались с Луи, до столицы расстояние не малое — никак не меньше, чем треть острова, так ещё обращение не по статусу. Юноша попятился назад, попутно высматривая глазами выход. Артефакт настаивал на том, что они с Гектором попали в столицу.

— Ваша милость, меня зовут Амбруаз Ле Гро. Я ваш верный слуга.

— Ты верно шутить?! Сам Архимагус Фулмунского острова?!

— Ваше настоящее имя — Марсэль. Всё верно, ваша милость. Сир, вы хорошо осведомлены. Вам нужно узнать: кто вы. Впрочем, ваш дядя вам и так всё скоро поведаёт о вашем происхождении и желании сделать вас наследником семьи Базальт. Но только лишь при личной встрече. Верьте ему, Жанжаку и... — он указал на геккона, внимательно рассматривающего интерьер кабинета. — Очень сильная и любопытнейшая ипостась. У нас не водятся. Как тут очутился — из-

вестно лишь Рокко и Ярче. Может, в трюм синего дирижабля забился? В бочку с водой, к примеру? Умная ж тварь. Скрыл присутствие хладом, а в порту выскочил. Эти твари вольно живут среди красных гор, нередко и по окрестностям Тера ползают. Откуда родом, к слову, и ваша матушка. Сдаётся мне, что сей гад с демонических земель проделал долгий путь неспроста. Верный знак того, что грядёт нужда исполнить предначертанное. Впереди большая игра.

Ящерка, довольная повествованием, спрыгнула с плеча на левую ладонь Пьера.

— Гектор, что с тобой? — геккон встал на задние лапы и помахал передними точно котёнок.

— Он просит заключить с ним договор. Учти, дело не простое и хлопотное. Может статься, что другого, более подобающего фамильяра не случится. Попросту не хватит жизненных сил на другую сделку. Проще говоря, подумай хорошенько. Фамильяр и фамус связывают души воедино.

— Я согласен. Быть другом Гека.

— О! Да, ты знаком с подлинным смыслом ритуала?! — архимагус хлопнул в ладоши. — Люди стремятся подчинить, использовать, не представляя ничегошеньки взамен. Воистину, воочию вижу возвращение благородного духа на наш остров. Достойный потомок. Геккон был у твоего прадеда по матушкиному древу.

— Что ж получается?! Осталась только «клятва на крови»?

— Истинно так, — кивнул Амбруаз. — Ну же! Приступим! — архимагусу не терпелось начать ритуал.

Гектор укусил указательный палец правой руки Пьера, схватившись за него лапками. Удивительно, но кровь из раны была ни алой... Пьер не смог припомнить, чтобы вообще получал ранения. Пришлось сжать кулак, чтобы усилить кровотечение. До сего момента он был твёрдо уверен в том, что в его жилах бежит «бордо»... как говаривал отец.

— Что за ерунда?! Никогда не видел белого оттенка у серебра... — хозяин башни ненадолго замолчал, обдумывая полученное знание. — Окропи фамильяра.

Сорванец так и поступил. Капли крови, попав на маленькое тельце геккона, засветились лунным отблеском. Он посмотрел на архимагуса и подумал, что речь Амбруаза никак не соотносится со столь молодым возрастом. Тот с трудом бы сошёл за сверстника, уж больно хитрюще тот поглядывал на него... Происходящее — правдивее для сна, нежели для яви. Он и претендент на трон?! Ритуал с фамильяром на крови проводят с помощью круга призыва, а не абы где с бухты барахты. Насколько Пьеру известно, свидетель должен снести грамоту в магиат. За утаивание грозил денежный штраф в размере пяти тысяч единиц. Как правило, счастливые обладатели фамильяров без родословной сами нанимались на службу, выполняя грязную работу за благородные дома.

— Я Амбруаз Ле Гро, подтверждаю клятву. Подготовлю бумагу и передам Луиджи Томмазо. Ваша милость, не из-

вольте волноваться.

Гектор прошёлся шершавым языком пару раз по укусу, чтобы исцелить хозяина, а затем довольно ухватился за него. Пьер почувствовал радость геккона: радужная оболочка питомца смотрела на него, и он понял, что видит себя глазами друга. Стук? Биение маленького, но быстрого сердечка. Дыхание еле видимое. Он чувствовал холодной как снег кожей тепло от заключения контракта. Их души переплетались воедино, и это радостное чувство переполняло их обоих.

— Мои силы на исходе, ваша милость. Вам пора... возвращаться... у меня запланировано ещё несколько встреч...
— архимагус хитро подмигнул и хлопнул в ладоши.

Глава 18 «Золотая пыль»

Просыпаешься однажды —

И не можешь больше так.

Во имя того, кто живёт на небе,

В твою жизнь лезет каждый дурак

© Mago de Oz, «Fiesta pagana»

Фургон. Луи и... эти бандиты. Никого не осталось под пригорком. Скачок... и пыль, та самая невидимая и никому не нужная, на которую никто не обращал внимания, начала обрастать серебряными и алыми нитками, создавая коконы. Мальчишка смотрел на ниспадающие нити божественного веретена, что тянулись сверху красивыми лучами и расставляли кукол по местам. Казалось, ещё чуть-чуть — и можно прочесть судьбу по этим спутанным клубкам. Пьер слышал, как трещит и ломается время, которое пыталось вставить свои шестерёнки обратно на зубья судьбы. Всё возвращалось в нужное русло. Вот теперь всё как надо, всё как следует. Только ему хотелось ответов, хотелось обратно в башню архимагуса. Почему люди сотканы из разных ниток? Трое

бандитов состояли из «серебра». Магусы? Но ведь папа тоже может колдовать, и у него есть фамильяр. Но тогда... почему он «бесцветный»?

— Вернулся, — довольно констатировал «северэ». — Волосы — вороное крыло. Кожа — точно сажа. Карие глаза. Хорошая работа. Магус постарался на славу. Недурно. Однако крайне рискованно не внести в городскую книгу дарственного фамильяра. Тебя могли вздёргнуть на конопле за кражу. Вот бы на площади Мунхолл Гроста обрадовались такому зрелищу. Цыгаи и воры верно указывают направление ветра.

— Небось ты платил немало, чтобы заглянуть в канцелярскую библиотеку всех городов Фулмуна. Не жалел тысячи единиц на взятки, дабы вычислить, где мы... Только вот цыгаи не ведут глупых книг.

— Да. Искать пришлось долго.

Жанжак закрыл собой Луи:

— Я не отдам его! Я обещал это своей жене, а та поклялась исполнить последнюю волю госпожи!

— Будет тебе, служка. Я рад, что ты сберёг племянника. Посему отпущу, не тронув. Будь рад сему великому поступку милосердия с моей стороны. Выпей за мой счёт в таверне!

Le vin est tiré, faut le boire! Сам же о том прекрасно знаешь!

— Дерись! Будь воином! — грубиян устал ждать и начал провоцировать винодела. — С радостью тебя заколю для пира воронов! Дерись! Мужчина ты или всё же пыль?! Пыль, которую мы топчем нашими сапогами! Дерись, терр тебя дерри!

— Тише, тише, Аль Герр. Марсэль сам пойдёт с нами. Он не так глуп, как его названный папаша.

Пьер разжал руки. Пальцы соскользнули вниз по плащу, а из глаз побежали слёзы, которые слизывал фамильяр.

— Дай слово... что с ним ничего не станется... дай мне слово... — взмолился Жанжак.

— Служка, не разевай рот без команды! — Аль Герр вынул саблю и рассёк ей слева направо, отчего в воздухе на одно мгновение повис огненный «икс».

— Если я пойду с вами... дай слово, что...

— Ах ты, сопляк! — выпалил командир отряда варгов.

— Дайте слово! Дайте слово, что не причините вреда... ни ему... ни Назарету. Клятва Жанжаку ни к чему не обяжет

дворянина... но я — Марсэль. Что бы это ни значило! Пусть ещё не признан, но могу претендовать на трон, а раз так — я чего-то да стою!

«Северэ», назвавшийся дядей, поднял правую руку вверх:

— Даю слово: «никто из нас»... — принёсший клятву обвёл рукой небольшой отряд. — Не тронет Жанжака, да и до дарованного фамильяра мне дела нет. Пусть остаётся, раз на то была воля моей покойной сестры.

Дядя объехал фургон сзади и встал к нему боком:

— Я дал слово. Твой черёд, Марсэль. Время отправляться. Теперь тебе предстоит отстоять право рода Базальт на корону Фулмуна. Лучше тебе оказаться достойным фамилии своей матери.

Жанжак закрыл глаза, из которых ронялись слёзы:

— Прости, Пьер... ваша милость... вопреки воли матери... тебя поставят на доску...

— Я продолжу считать тебя моим отцом, а Маэлис — матерью...

Нежданно объявившийся дядя не торопил прощание, но лошадь под ним недовольно фыркнула: стояние на месте отнимало ночное время. Нести двоих всадников по жаре? Маркиза начала трясти гривой и недовольно бить копытом, под-

нимая пыль. Хозяин, напротив, добился своего и теперь молча наблюдал, как Жанжак передаёт «кольцо-окане», висевшее у него на шее:

— Это твоё. Надень на безымянный перст правой руки.

Снятую фамильную реликвию на серебряной цепочке мальчик осторожно положил на ладонь и коснулся кончиком указательного пальца. Кольцо в форме дракона с рубиновыми глазами словно проснулось ото сна и зашипело. Юноша мог поклясться чем угодно, что фигурку выковывали с Гектора. Зная характер непоседливого друга, можно смело утверждать: мастеру пришлось туго с натурщиком. «Драконогеккон» обвился вокруг безымянного пальца, а затем, зевнув белым пламенем, уснул, сменив цвет камней на изумрудный.

— Дракон не откусил перст и не подпалил мальчика?! — сказал Аль Герр и присвистнул. — Во дела! О, гидра Хаосса! Он и вправду *batard*, а не *sacriifié*! Де Лун за отрока пожалуют каждому из нас платиновое кольцо. Не иначе. Схватить его!

Варги хотели обнажить сабли, но замерли каменными валунами. Дядя поднял правую руку: согнутые пальцы напоминали птичью лапу, готовую вцепиться когтями в добычу.

— «*Verivala*»! — по его ладони стекала алая кровь — коктейль из захваченных праведным душегубом сердец.

Кулак разжался, и бандиты попадали замертво с лошадей.

Маска Аль Герра треснула пополам. Смотреть на то, как изо рта врага брызжет кровь, — невыносимо. Смерть вызвала ужас. Пьеру стало не по себе. Он прикрыл рот ладонями, чтобы сдержать рвотные позывы. Ему никогда не доводилось лицезреть подобное воочию. Ему было жаль варгов, несмотря на их коварное желание заполучить его в обмен на свободу Жанжака и Гектора.

— Пришло время представиться, — «северэ» снял токай и посмотрел на Пьера алыми глазами, в которых догорал пепел. Магия не прошла бесследно для колдующего. — Моё имя — Рафаэль. Рафаэль Базальт. Рад встрече, Жанжак Габбаро.

— Я сдержал слово, господин Рафаэль.

— Я вижу. Терра тебя не забудет. Ты достойно прятал надежду нашего дома.

— Как?! — племянник непонимающе смотрел на дядю, что разом убил отряд наёмников, оставив в живых лишь своего подчинённого с соколом на плече.

— Без них мы бы долго плутали, ища вас. Мартин сразу их признал. Варги думали, что мне неизвестно об их предательстве. Я предложил щедрую плату за твою голову. Оплата — их похорон.

— Господин, что случилось со стариной Мартином? — ви-
нодел заподозрил неладное в поведении оруженосца, кото-
рый сидел, опустив голову, и не держал уздечку, но всё же
каким-то образом управлял конём.

— Несчастливого раскрыли, когда тот помог бежать сестре
и её служанке. Луиджи Томмазо... трусливый *batard*... пе-
редал Мартина в ящике... Когда мы открыли... открыли по-
сылку... он был не живей мертвеца... труп... с обезображен-
ным лицом... без языка... без рук... Наши лекари с помо-
щью «золотого яблока» спасли ему жизнь, но не рассудок.
Кто бы ни был повинен в том — лично разорву сукина сына.
Мерзавец дорого заплатит за содеянное. Такое могли про-
вернуть лишь эльтеррцы. Они не щадят никого, если им за
это платят...

С каждым словом у Жанжака сжималось сердце. Он пре-
красно помнил красивого и жизнерадостного юношу, ис-
кренне преданного госпоже Иззэль. Ночь побега из замка Ка-
менлуна верный слуга не забудет никогда.

Пьер почувствовал, как время вновь замедляется. С небес
стали спадать белые нити... Скелет начал ползать меж тел,
проверяя павших. Нехотя поднявшись на костлявые ноги и
не поворачиваясь, смерть прошептала:

— Не всяк достоин жизни, но любого заберёт моя рука...

Ещё свидимся, ваша милость... — кошмарное видение, сжигаемое луной, рассыпалось на части. Юноша увидел души, которые не могли самостоятельно подняться с грешной земли.

Пьер спрыгнул с телеги. По нему волнами пронеслись фиолетовые вспышки, изменившие юношеский облик: перед ними стоял Марсэль Базальт, такой, каким тот должен был быть, родился он в Хеллсинги:

— Нужно сжечь дотла плоть, ибо она — тюрьма для неприкаянных душ... Назарет...

Обессиленное насекомое не посмело послушаться. Открыв дверцу лампы, светлячок подлетел, еле маша крыльями от истощения, а затем сел на вытянутую левую ладонь. К фамильяру стали возвращаться силы. Убедившись, что тот впитал достаточно магии, Марсэль дунул на него, будто тот являлся раскалённым углём, а не живым существом. В считанные мгновения огненные стрелы врезались в сердца павших воинов и разбежались лучами-трещинами по коже, обратив варгов в пепел, который унёс заррадный ветер, предав останки забвению.

— Гектор.

Геккон вылез из-под мантии и спрыгнул на правую ладонь. Открыв рот, фамильяр выпустил нити, вцепившиеся в плечи и голову Мартина так быстро, что сокол не успел отра-

зитель выпад. Прошла минута, прежде чем оруженосец закрычал от боли. Жанжак и Рафаэль оцепенели от увиденного. Марсэль рухнул на колени. Фамильяры успели спрыгнуть, прежде чем юноша упал наземь. Волосы почернели, оставив на затылке фиолетовую прядь.

— Какого терра... тут произошло?! — Рафаэль смотрел на Мартина, у которого вновь отрасли отрубленные руки и язык. Иначе как бы он мог так кричать, прежде чем отрубился?!

Рафаэль спешил. Вместе с Жанжаком они смогли погрузить «спящих» в фургон и накрыть пледом из шерсти варглюда. Лошадей пришлось привязать верёвкой в линию: отпускать их было рискованно — они могли вернуться в Аль-Спарга-Луна, и тогда не избежать погони и расправы. Им предстояло убраться отсюда как можно скорее. Без наёмников они лишились щита от конных патрулей, которые наверняка проявили бы праздное любопытство по поводу скакунов без наездников. Кочевники — народ очень упрямый, и слушать о предательстве не станет. Варг — воин. Воины не предадут нанимателей.

Чтобы идти быстрее, часть бочек связали попарно и перекинули через спины оставшихся без хозяев животных, которые нехотя тащили винную поклажу. Потеря которой так же навела бы преследователей на ненужные им размышления. Их скорость возросла. Доберись они до моста — и полдела сделано. Там, на земле демонов, дядю и наследника се-

мьи Базальт не посмеют тронуть даже варги, знающие крутой нрав наместницы Хеллсинги. Кочевники уважали эту женщину, называя её «красной демонессой» и «фурией терры». Все попытки убить её оставляли на лице и теле Миражаны шрамы, смельчаков же ждала мучительная смерть. Рафаэль знал, что дом Кольтер не станет нарушать хрупкое равновесие из-за кучки незадачливых наёмников. Замыкая колонну, он постоянно посматривал назад, жалея, что сокол Мартина без хозяина бесполезен. Жанжак тем временем слушал частое дыхание Пьера, который первый раз прикоснулся к спрятанной в нём силе трёх домов.

— Терр их всех возьми! — ругался Жанжак, чем привлёк внимание Рафаэля, который прискакал проведать спящих.

— В доме Лун как-то прознали о наследнике. Значит, нет гарантий, что и дом Менсис останется в стороне. Мост скоро покажется. Не щади лошадей. Скакуны, устав от поклажи, не смогут быстро вернуться в Аль-Спарга-Луна. Одну оставь без поклажи. На случай погони. Это даст нам драгоценное время. На мосту у меня отлажены связи.

Жанжак кивнул и ударил вожжами Жанну; та ускорила бег, заставив цепь верёвок позади себя натянуться до предела.

— Потерпи, моя хорошая! Потерпи, родная! Скоро мы будем на месте!

Глава 19 Мост, демонесса и мудрец

Труднее всего в жизни запомнить, какой мост надо перейти, а какой — сжечь

© Бертран Рассел

— Рафаэль, откуда у тебя говор Северы? — Жанжака мучали вопросы, и он решил разорвать одним из них тишину, когда до моста осталось чуть меньше четверти дали.

Тяжёлые тучи собирались над водой, отмеряя чёрную границу двух княжеств. Не пройдёт и десяти минут, как на землю обрушится мрачная стихия. Базальт поёжился: касания капель воды не приносило ему радости.

— Когда я отдал своё золотое яблоко Мартину за спасение сестры. Уже не мог оставаться ни в терре, ни в Хеллсинги. Меня лишили права наследования. Дедуля лично вычеркнул приставку «де». Пришлось уплыть в Террейн. К людишкам...

— Коих ты терпеть не мог...

— Мартин храбрец... хоть и человек... Я долго ничего не слышал сердцем... Но тогда во мне взревела боль. Я разом потерял и сестру, и преданного терре человека. Жанжак, люди не плохи и не хороши. Они слабы телом, но вот кровь демонов, как нигде, сильна в них. Воля их душ поражает. Го-

рожане и цыгаи хотят мира и не более.

Разговор прервался. За спинами каравана, идущего к мосту, послышался гул и топот копыт не большого отряда.

— Бери свободную лошадь и скачи к мосту, — Рафаэль развернул Маркизу в сторону преследователей.

— Не успеем... — злобно бросил Жанжак. — Вампал Аль-Зира быстр. Лошадей обгоняет на раз... Да и варги, что на мосту, увидев такое, не пустят...

— Может, Назарет спалит бочки?! В дыму не углядеть...

— Кто тебе даст сжечь бочки?! Я тебя сам в пепел обращаю за такие речи!

— Время! — сказал Марсэль, не приходя в сознание. — Замри!

Облокотившись на каменные перила на середине моста, стояла фигура и смотрела на готовое разрешиться дождём небо. Наряд «Красной Фурии» больше походил на корсет с короткой юбкой, нежели на доспехи. Цокая палкой, к ней прихрамывал человек с морщинистым, как ветхое полено, лицом и старенькой накидке с капюшоном, под которым проглядывался бишт. Женщина с множеством шрамов на лице и теле будто не замечала старца.

— Я думала, ты отошёл от дел, Фатих, — спокойно произнесла наместница Хеллсинги.

— Здравствуй, Миражана Базальт. Меня зовут Аль-Фатих. — Башмаки с загнутыми носами остановились в пяти армах от «Фурии». — Убрать «Аль» из обращения к варгу. Грубо. Ты ведь должна помнить о том? «Аль» значит «воин». Аль-Таир — камень воина.

— Твердыня воина, — поправила женщина. — Другой бы напал, услышав такое, но не ты.

— Осторожность всегда уместна. Твой разум, моя ученица, острее сабли, да и сил не занимать.

— Аль-Зима? Твой?

— Последний мой ученик, возраст как никак.

— Старый лис, — усмехнулась Миражанна и впервые за время беседы посмотрела на Аль-Фатиха. — Мне такой сладостный мёд в уши лил, — фыркнула, и снова принялась рассматривать застывшие в вышине капли, что преломлялись от закатного солнца яркими звёздочками.

— Хеллсинги хочет правителя, а не наместника? Я верно понял, Миражаночка? — Мудрец убрал правую руку с трости и причесал ладонью редкие седые волосы, после чего опять опёрся обеими руками на рукоять. — Вам надобна грамота о наследнике, заверенная тремя благородными домами... Что ж. Мы можем сие устроить. Варги — прекрасные воины и помощ...

— Нет... Я не говорю одно слово дважды.

— До чего с тобой трудно вести переговоры, Миражаночка. Услада очей моих. Две грамоты наследника. Но с усло-

вием...

— И каким же условием, Аль-Фатих? — Наместница начала уставать от долгих и праздных речей.

— Миражанна Базальт, — мудрец сощурился, будто от яркого солнца. — Миражанна Базальт Кольтер?

Аль-Фатих отступил на пару шагов, пока голова девушки с глазами, как у совы, медленно поворачивалась в сторону Аль-Спарга-Луна.

— Сама рассуди, Миражаночка, душа моя, — пота на морщинах старца стало куда больше. — Рафаэль станет править в Хеллсинги, а Марсэль — в Каменлуне.

— Откуда услышал о племяннике?!

— У любого деда должен быть ворох тайн, — старик выдохнул, поняв, что самое страшное миновало. — Аль-Герр — плохой варг, но полезный шпион. Дома в Аль-Спарга-Луна не держатся долго. Жён и детей убивают соперницы и претенденты, но тебя с трепетом почитают все наши мужи без исключения. Должна знать нравы Аль-Спарга-Луна. Сама четверть века назад спасла мальчугана с матерью от дома Эрран.

— Хорошо... Рафаэля — в Хеллсинги. Марсэля — в Каменлун. Иначе — нет.

Аль-Фатих, не веря своим ушам, сделал поклон головой, словно одуванчик, долго стоявший на ветру.

— Имя.

— Аль-Зима де Кольтер...

«Фурия Терры» открыла рот шире выброшенной на берег рыбы.

— Знаю, знаю, — старик почесал затылок. — И трёх десятин юнцу нет, но террски талантлив. Храбр. Добр. Аль-Зиму не хватает твёрдой руки. Женщины делают из нас воинов. Союз с нами поставит врагов в лужу. Вам давно пора завести союзников. Мы готовы ими стать. Раз не можешь победить — предложи мир. Разве не этому я учил тебя?

— Я воспользуюсь шатром».

— Госпожа Базальт. Буду признателен за оказанную ему подобную честь...

— Белые волосы... карие глаза... — Миражана смотрела на юношу около шести армов роста снизу вверх, спрятав своё лицо маской «Токай», как это принято в столице демонов. — Сильные плечи, мышцы рельефнее гор. Точно варг.

— Аль-Зима де Кольтер, — елеинным голосом произнёс мужчина. — Могу узнать ваше имя, госпожа?

— «Госпожа» — так и зови.

— Где я, госпожа...?

— В моих покоях... — На лице наследника благородного дома Аль-Спарга-Луна читалось недоумение.

— Но... как же? Госпожа, помилуйте...

— Поверь, Аль-Зима де Кольтер. Стоит тебе увидеть моё лицо... и твои губы позабудут о «госпоже». От сладких речей на красноречивом языке останется дурной привкус. Впрочем, прощай. Я получила желаемое... — наместница Хеллсинги привыкла к презрительным взглядам мужчин.

Ей не хотелось лицезреть изменений в карих глазах молодого спарганца. Учитель прав — тот и вправду благороден, храбр... но не для неё. Отчего сердце придавило тяжким грузом... Нет... Не для такой, как она.

— Но... я...

— Прости, что ты сказал?! Я ухожу...

— Я не получил ничего в обмен на лишение свободы, — Аль-Зима подошёл вплотную и сорвал маску, Демонесса отшатнулась и попыталась оттолкнуть напавшего на неё юнца ладонями, но один шаг на встречу преградил дорогу назад. Его губы коснулись лба. — Простите, госпожа. То моя личная просьба. Учитель действовал с моего согласия...

Миражана не дала договорить Аль-Зиму и, разрушив иллюзию шатра, сбежала. Кольтер остановил погоню. Время принялось соединять живые нити воедино, в очередной раз проклиная Хаосса за такую магию. Женщина, закрыв лицо руками, молчала под трусливым летним дождём. Капли, пытавшиеся успокоить внутренний пожар, сгорали на подлёте, становясь туманной дымкой вокруг.

— Аль-Зима де Кольтер передаёт вам скакунов и вино. В качестве первого подарка, — Аль-Фатих вежливо кивнул и пошёл прочь.

Звуки удаляющихся ударов трости по камню глушила непогода. Дело сделано — пора покидать мост, пока не поднялось безжалостное солнце. Дожди здесь недолги, и скоро всё снова встанет на круги своя. Аль-Фатих кивнул страже; та салютовала саблями.

— Пропустить вместе с лошадьми, — старик снял один перстень и подал капитану.

— Будет исполнено, господин Аль-Фатих Магтерр. — Командир поднял руку. Варг по сигналу привёл серого ослика. — Окажем почести, как того просит советник.

— Храни вас, Рокку, — старик достал мешочек с «кристаллами-окане», которые осталось оправить для ношения.
— Верным сынам Аль-Спарга-Луна от нашего правителя.

— Храни вас, Рокку, господин Аль-Фатих Магтерр! Храни вас, Рокку!

Советнику помогли забраться, и он направился к наблюдавшему за ним обозу. Жанжак и Рафаэль стояли, не зная, что предпринять в сложившейся ситуации. Варги отступили, а судя по отношению гарнизона — к ним направилась важная особа, притом без охраны. Это говорило, что их он совершенно не опасается. Однако факт, что погоня прекратилась, означал одно: что-то поменялось в лучшую сторону. Возможно, сестре удалось вмешаться? Они не знали и с нетерпением ожидали прихода старика, чьей единственной защитой от дождя был капюшон. Ожидание из томительного переросло в мучительное.

— Химера... — Глаза Рафаэля распахнулись от ужаса. — Химера Аль-Таира... Это чудовище ещё живо?!..

Поравнявшись с повозкой, Аль-Фатих остановил осла ударом закруглённых башмаков по упитанным бокам.

— Приветствую вас, путники. Что ж, вино не докатилось

до Аль-Спарга-Луна?

— Привет, деда, — Марсэль очнулся. На его макушке, вцепившись в чёрные волосы, сидел сонный Гектор, который наслаждался «манной» небес. — Нас в гости позвала моя дражайшая тётушка.

— Вон оно как, — старик погладил морщинистое лицо и улыбнулся. — Дом там, где нас ждут. Верно?

— Верно, деда. Я хочу, чтобы мир стал моим домом, а все вокруг — друзьями.

— В таком случае — катите. Вас наверняка заждались, молодой человек, — советник кивнул мужчинам. — Вино и лошадок передайте в качестве подарка госпоже Миражане Базальт. За всё платит Аль-Зима де Кольтер. — Помахав в ответ Марсэлю, старик поравнялся с виноделом, вручил мешок с «кристаллами-окане» за хлопоты и товар, а затем ударил закруглёнными башмаками, чтобы продолжить путь.

Рафаэль и Жанжак поклонились в знак благодарности и прощания.

— Мне кажется, что лошадей разгружать нет надобности, — первым опомнился Жанжак.

— Дядя Рафф, дедушка так и сказал, — улыбаясь, подтвердил их догадку Марсэль.

Смех племянника напомнил о сестре. Базальт проронил слезу, отвернувшись, быстро смахнул остатки воспоминаний тыльной стороной ладони. Жанжак стукнул Рафаэля по плечу и кивнул в сторону моста, тот разогнал Маркизу, желая первым узнать, что случилось. Капитан варгов, пожилой мужчина, снял «Токай», чтобы проявить уважение, положенное по этикету, и поприветствовал всадника поднятой вверх саблей.

— Господин, Аль-Фатих передаёт вино и лошадей госпоже Миражане Базальт.

— Пропустить друзей советника!

Рафаэль Базальт пришпорил лошадь, которая послушно встала на дыбы сделав несколько шагов, тряся гривой вверх-вниз, под аплодисменты гарнизона.

Глава 20 Город демонов и тентадоров

«Все демоны — люди. И все люди — демоны»

© Хаккэндэн: Легенда о восьми Псах Востока

— Миражана Базальт, наместница Хеллсинги, — сказал Рафаэль и встал на правое колено. Жанжак и Марсэль последовали его примеру. — Ваша честь, Марсэль Базальт. Я привёл его.

— Кто он? — «фурия» указала пальцем на Жанжака.

— Жанжак Габбро из Смоулеса, ваша честь.

— Муж Маэлис? Верной служанки моей сестры?

— Да, ваша честь.

— Терра всегда будет алой, — произнёс Жанжак, склонив голову в поклоне.

— Терра всегда будет алой. Поднимись с колен. Обоз забрать и доставить во дворец. Оставьте троих скакунов.

— Да, ваша честь, — варг в красном парисе махнул рукой, и те принялись исполнять приказ. В это время часть людей в тёмно-синих доспехах и токаях наблюдала за всем со стороны.

— Давно не ездила верхом, — призналась Миражанна и

добавила. — В городе их нет нужды держать.

— А почему у них нет браслетов? — прошептал Марсэль, кивая в сторону матросов.

— Никто, кроме них, не способен выдержать их, — сухо объяснила Миражана и натянула уголки губ в подобие улыбки.

Наместница подошла к племяннику, осматривая изменённую внешность юного наследника Терры. Работа и вправду искусная: женщина ни за что не поверила бы, что перед ней террец, а не человек с чертами горца, доставшимися от названного отца. Щетина ещё не проросла на лице; в чёрных глазах с трудом читался террский оттенок. Сотворить такое обычный магус не в силах, но наместница знала, чьих рук эта искусная работа. Тентадор, но цвет крови женщина никак не могла разобрать. В нём, помимо воли сестры и Джерода, чувствовалось что-то ещё...

— Кто же ты такой? — мысленно вопрошала Миражана. — Жанжак... ты так же весьма интересный «netēs». Без слабости людей и «солнечной слепоты» горцев.

Ей хотелось узнать историю о том, как им удалось сбежать и затеряться на двадцать зимм. Несмотря на веру в чудо, отыскать живым племянника красная фурия не надеялась, но всё же щедро выделяла суммы на поиски — даже несмотря на скудный бюджет. Жителям Хеллсинги приходилось буквально выживать среди враждебно настроенных соседей. Миражана с ходу запрыгнула на выбранного жеребца.

Рафаэль помог Марсэлю забраться, а затем оседлал Маркизу. Жанжак не пожелал бросать фургон и Жанну, взяв обязательство присмотреть за Мартином, не забывая про драгоценные бочонки с вином.

Столица террцев отличалась от других городов. Первое, на что обратил внимание Пьер — отсутствие окон; второе — никто не ходил без токая, поскольку солнце пагубно влияло на кожу террцев. Свободное место съедали тонкие улицы: для перехода с одной стороны тротуара на другую хватало десяти шагов. Идущие по делам жители не мешали друг другу, перемещаясь исключительно по левой стороне или через сквозные арки-колодцы. На крышах лежали мосты, по которым Хеллсинги пересекался паучьей сетью, обрывавшейся лишь на зданиях, чьи фасады и вывески смотрели на «кольцевую» или «красную площадь». Частенько крыши близ дворца арендовали под пекарни или кафешки. Здесь, где город как на ладони, напитки и еда казались вкуснее.

Хеллсинги напоминал гигантский котлован, заполненный рядами «красных колец», идущих от «сердцевины» — огромного, аккуратно срубленного дерева. Сначала взору открывались «двушки», а ближе к центру — торговые «десятки». Самое «глубокое» строение — «Красный дворец» — стоял «коронной» из четырёх круглых башен. Хотя он и был номинально «тринадцатым», но стоял наравне с другими крышами. Отделения банков, ювелирные лавки, аукцион и прочие заведения, прилегающие к «Красному дворцу»,

контролировались стражей. Но не сказать, чтобы здесь собирались толпы. Тут не встретишь суеты, спешки или кого-то, кроме террцев. Многие крупные дома пустовали, вход в них заколотили досками прежние хозяева или власти.

Внешний и внутренний порты давно обнесли стеной почти до самого дна. Попасть в Хеллсинги представлялось возможным лишь через здание с надписью «VudōMer» и якорем на табличке. Под опорами стояла субгавань, где расположился причал с рыболовецкими и транспортными линёрами, на которых служили «белые» и «чёрные» парисы соответственно. «Красная нить» брала на борт желающих оказаться в столице согласно закону о «золотом числе населения». Раса переживала трудные времена, но в город на заработки тянулись новые жители, заменяя тех, кто хотел покинуть остров. Потери террцев заставляли брать максимальное число пассажиров и грузов в обе стороны.

Сублинёрам редко давали имена — помимо флагмана, такой чести удостоилось не больше десятка команд. Служить на «именном» считалось честью: морякам на парисе нашивали эмблему. Храбрецы и безумцы нанимались на «Noujeleys Rompeleys». Занятие опасное, подстать зарплате и престижу тёмно-фиолетовой формы — за неё демоны готовы были умереть. Двадцать зимм службы на одном из пяти военных сублинёров, выполняющих роль разведки в Тихом море, окружавшем Фулмундский остров — вот цена за право войти в элиту террского общества. «Морское братство» занима-

лось также контрабандой и снятием плавающих магических мин, отчего шанс не вернуться возрастал. Однако риск сот-ни сублинёров не останавливал: без них раса демонов и тен-тадоров не выжила бы в экономической блокаде. Нехватка «бесцветных» породила традицию брать должников на рыболовлю или работу на транспортных сублинёрах.

Центральные ворота со стороны острова охраняли демо-ны и варги, поступившие на пожизненную службу в обмен на заботу о семьях, оставшихся без кормильцев на Ато-т-Супе. Удивительно, но террцы и варги в бедных растительностью и водой землях Винтерерге старались помочь соседям — на острове же дело обстояло иначе.

Марсэль с восхищением смотрел по сторонам, то и дело махая всем рукой, не получая ответа. Удивлённые горожа-не обходили всадника на гнедой лошади через арки-колод-цы, освобождая дорогу. Лошадей здесь не было давно, как и горцев. Террцы не сразу признали наместницу верхом на варговском скакуне «горностаевой» масти. Рафаэля и вовсе знали плохо, а потому резонно побаивались чужака. Мест-ные поговаривали, будто он сам погубил сестру вместе с пле-мянником, дабы освободить дорогу к трону, за что и был из-гнан. Марсэля не волновали косые взгляды — парень про-должал махать всем. Гектор захотел залезть на гриву, но бо-ялся окружающих демонов. По пути попались варги, отса-лютовавшие наместнице.

— Терра всегда будет алой! — приветствовал прохожих

юноша, но отклика не находил.

Время, казалось, навсегда убрало веселье отсюда. Максимум, на что были готовы горожане — кивки. Но сын Базальт и Лун Менсис не прекращал попыток, пока к нему не подбежала маленькая демонесса с двумя рожками в красном платье. Пьер показал фокус с исчезновением и возвращением большого пальца, чем привёл её в восторг. Цыгаи не утратили духа, продолжая жить, несмотря на беды. До этого дня тот и не думал, как тяжело жить в опасности. Шрамы тёти не испортили её красоты, но город губил страх. «Подобное нужно прекратить», — пообещал себе наследник Терры и взял геккона, чтобы тот прыгнул на ладони девочки.

Миражанна и Рафаэль остановили коней. Возле юноши стали собираться дети. Тётя невольно улыбнулась: не каждый день увидишь, как геккон танцует на задних лапках с помощью липучек. Гектор размахивал полосатым тазом.

— Нам нужно идти, — сказала тётя племяннику, едва сдерживая улыбку, как будто это что-то запретное.

Марсэль протянул левую руку, и Гектор, откланявшись, забрался под рукав, пощекотав хозяина. Парень помахал рукой и двинул вслед за роднёй. Мама девочки — демонесса Виктория — взяла чадо за руку, но та лишь радостно махала вслед юному Базальту.

— Это наш господин, — пояснила мать. — В будущем. Проявляй больше уважения. Поняла, Изодэль?

Девочка машинально кивнула, но всадники уже скрылись

из виду.

Глава 21 «Красная корона»

«Корона — это одновременно благодать и проклятие»

© Нэнси Бильо, «Крест и корона»

«Красная площадь» поразила красотой и размахом. Марсэль никогда не видел настолько высоких домов. Казалось, что даже столица Фулмунского острова уступает размаху и величию демонического логова. Четыре башни, будто огромный скелет чудовища, переплетались между собой лестничными костяшками. Рафаэль и Миражана спешили, в то время как Марсэль не мог отвести взгляда от «Красного замка». Где-то вверху застыли небеса; тень от громад освещалась за счёт камней из лавы. Похоже, что здесь жители собирали багровый цвет со всего мира.

— Терра всегда будет алой, — Марсэль спешил и поравнялся со всеми. — Тётя, я не видел ничего более красивого и пугающего.

— Терра всегда будет алой, — произнесла наместница Хеллсинги, довольная произведённым эффектом. — За мной.

Жанжака, без личного приказа, пускать не стали, поэтому винодел ждал, когда все придут. Квартет прошёл сквозь забор и попал ко входу в одну из четырёх башен «короны»,

где вместо двери пылало фиолетовое пламя. Лошадей с ними уже не было; их перевели в одно из пустующих зданий на площади. Бочонки с вином направились в подвал, где расположился склад. Поднявшись по ступенькам, они увидели встречающих госпожу пять фигур. Штат Миражаны Базальт, судя по фигурам, включал исключительно девушек, которые с любопытством разглядывали пришедших мужчин через скрывающие улыбки багровые токаи. Впрочем, одна из них, дворецкая по имени Варрэль, держалась отстранённо; взгляд помощницы мог охладить даже пламя, что жило в глубинах Баекрате:

— Рады вашему возвращению, госпожа Миражанна Базальт, господин Рафаэль Базальт и господин Марсэль Базальт.

— Варрэль. Мой секретарь и правая рука, — представила Миражана женщину, и та кивнула. — Жаррэль. Террэль. Миррэль. Венера. Будут обучать магии, этикету, управлению и фехтованию.

Девушки коротко кивнули по очереди. Понять, кто есть среди одетых в одинаковый фиолетовый парис с поясом, больше походивший на рясу монаха, — невозможно. Единственное, что им удалось подметить, так это то, что у всех, включая Варрэль, фиолетовые глаза. Сомнений быть не может — перед ними стояли тентадорас, а не демонессы. Их имена также говорили об этом, за исключением Венеры, носившей диурдское созвучие.

— Гектор спрашивает, а как зовут остальных девушек, сидящих по-токайски на лужайке? Тех, что увели лошадей и отнесли бочонки на склад?

Жанжак вопросительно посмотрел на Рафаэля, а тот пожал плечами:

— Тебе показалось, тут нет никого. Кроме нас, — дядя обвёл руками собравшихся.

— Вы ошибаетесь, господин Рафаэль Базальт, — последняя в шеренге сняла капюшон, обнажив красные кудри и фиолетовые рожки. Маску снимать строжайше запрещалось — никто не должен знать друг друга в лицо. — Молодой господин прав. Весь дворец вышел поприветствовать сына госпожи Иззэль Базальт. Не каждый магус осилит иллюзию. Фамильяр верно подметил. Мне достался способный ученик, — девушка щёлкнула пальцами, и на обширной лужайке по обе стороны от тропинки, ведущей к башне, обескураженный дядя увидел тысячу девушек в белых масках, в фиолетовом и красном парисе.

Марсэль помахал им рукой, в ответ получив токайский поклон.

— А тебе придётся повозиться, — Венера ткнула соседку в бок.

— Надеюсь, будет проще, чем с госпожой... — хмуро ответила Миррэль.

— А почему у них разная форма? — Марсэль не обращал внимания на шушуканье.

— Две смены. Тентадоры работают ночью, а демонессы днём, — вставила Варрэль и посмотрела на подопечных, которые тут же смолкли. — Три дня без отдыха захотели?

— Нет, госпожа Варрэль... мы осознали ошибку пред вами и госпожой нашей.

Миррэль повернулась к Венере, еле сдерживая смех. Миражанна подняла правую руку вверх, чтобы призвать к тишине. Наместница не готовила речь, поэтому ограничилась обычным: «Терра всегда будет алой», а после распустила всех, кроме гостей и помощницы, что направились внутрь башни. Гектор с опаской поглядывал на фиолетовое пламя; в мгновение, когда Марсэль пересёк порог, тот закрыл жёлто-синие глаза, чтобы уберечься от яркого света.

Убранство башни походило на обычную крепость: винтовая лестница поднималась вверх через комнаты и пустые помещения, набитые какими-то сундуками. Сама же «Красная Корона» соединялась мостами на тринадцатом, девятом и пятом этажах. Венцом "внутри" замка являлся пруд с домом в токиоткском стиле посередине. Миражана жила на последнем этаже вместе с Варрэль; сразу под ними расположились Жаррэль и Террэль; ниже — Миррэль и Венера. Рафаэль, Мартин и Жанжак заняли десятый этаж. Наследнику же пришлось жить одному, несмотря на то, что каждый этаж в планировке практически рассчитывался архитектором на сорок персон. Тётя решила занять как можно больше верхних этажей и не менять привычный ей уклад, но с одной значитель-

ной поправкой — решением разбить мужскую секцию на два этажа вместо одного. Марсэль на девятом этаже мог перейти через мост в другую башню, но тот контролировался днём и ночью варгами. Строгие меры предосторожности позволяли Миражане Базальт в любое время посещать племянника, минуя своих помощниц, и ограничить влияние на учёбу других служанок. Входить в покои имели право только преподаватели и управляющая, чьи обязанности пополнились подачей пищи. Расчётливая наместница хотела исключить даже её, но подумала о том, что подобная практика будет отнимать время учёбы. Доступ к Марсэлю одобрялся лишь после принесения ему присяги.

Разум женщины переполняли разные эмоции. С одной стороны, она радовалась приезду двоюродного брата с племянником, а с другой — не могла избавиться себя от мыслей о Аль-Зиме-де-Кольтер. Бывший наставник выбрал самое подходящее время для атаки на закрытое сердце. Она желала внять слабости и просто быть женщиной, но не могла дать слабину, прежде чем вверит Хеллсинги и судьбу народа Марсэлю, который при удачном стечении обстоятельств может стать новым «платиновым королём». Его глаза ярче огня; в них она видела истинную силу и благородство. Миражана, несмотря на слова Варрэль начать топить корабли, отвечала отказом. Война войной, но Терра не собиралась добиваться победы ценой чужих жизней и оставляла сублинёры, что могли, разогнавшись под водой, «половинить» суда

для обороны порта. Козырная карта всегда лежала рубашкой вниз на случай безвыходной ситуации. В минуты отчаяния наместница порывалась отдать приказ нанести удар близ крупных городов, но для этих планов требовалось увеличить количество подводных кораблей в восемь раз, направив в каждый порт Фулмуда по пять «подводных монстров». В то время, как всего пять «Noy» обходились казне слишком дорого, ибо не приносили доход, а лишь затрачивали и без того скудные запасы маг шаров террцев. Тактика «молниеносной войны» могла принести победу — пара сублинёров без проблем проплывала под водой мимо «полумесяцев» могла отправить линёры с помощью тарана на корм рыбам, высадить десант и попытаться захватить власть в свои руки силой.

Ближе к полуночи госпожа Базальт попросила принести в свои покои бутылку вина, которую привёз Жанжак. Подобная инструкция, отданная через Варрэль, коснулась всех жилых помещений замка, кроме мужчин. По замку эхом неслись тосты во славу терры и юного господина. Фурию одолевали грузные думы, которые та решила послать куда подальше и отдохнуть, хотя бы сегодня, изматывая врага бессонницей. Варрэль не спала до самого утра, убаюкая хмурую хозяйку замка, которая умолчала о предложении варгов. Искусство любви тентадорас не помогло расслабиться. Миражана понимала, что дворецкая не одобрит уступок; за долгие зимы войны её сердце заполнила ненависть. Для неё

весть о том, что госпожа выйдет замуж за варга, равносильна ножу в спину. Миражанна это прекрасно понимала, но и отрицать выгоды от конца блокады не могла. Земли вокруг Хеллсинги опустошали набеги соседей, из-за чего море стало единственным спасением. Пришлось закрыть глаза на контрабанду, что вносила в бюджет солидные суммы. За счёт них наместница могла позволить содержать столько работниц в замке. Дать людям надежду на мирную жизнь — вот её главная цель. Благополучие расы, что ей вверили, зависело сейчас от сложного решения. Возможно, обучение Марсэля отвлечёт совет «совет кофейного стола» от данного вопроса. Наместнице требовалось прояснить для себя самой, что творится вокруг неё и совместить с тем, что бушует внутри прежде, чем выносить на всеобщее рассмотрение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.